

18+

Марина Рябова
Александр Капитонов

ИНИЦИАЦИЯ МУЖЧИНЫ

Том I: Теоретическое обоснование

Марина Рябова

**Инициация мужчины. Том I:
Теоретическое обоснование**

«Издательские решения»

Рябова М.

Инициация мужчины. Том I: Теоретическое обоснование /
М. Рябова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Впервые в России представлено издание,
предлагающее системную программу мужской инициации. Она охватывает
весь цикл взросления: от трансформации гнева до принятия смерти.
Издание объединяет теоретическое обоснование и практические методики
(квесты, медитации, телесные упражнения). Первый том — теоретический
фундамент издания: определение и структура инициации, её универсалии,
античные модели, психоаналитические интерпретации, а также диагностика
современного кризиса мужской идентичности.

© Рябова М.

© Издательские решения

Содержание

Вступительное слово рецензента	6
Предисловие к изданию	12
Инициация как научная категория	28
Глава 1. Определение и структура инициации	28
1.1. Этимология термина «initiatio»	29
1.2. Трёхчастная структура по ван Геннепу	33
1.3. Обязательные элементы инициации	37
1.4. Отличие инициации возрастной от инициации инициативной	41
1.5. Непройдённая инициация — главная причина инфантильности современного мужчины	44
Глава 2. Кросс-культурный анализ мужских инициаций	51
2.1. Инициация в Австралии и Океании	52
2.2. Инициация в Африке	55
2.3. Инициация у индейцев Северной Америки	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Инициация мужчины

Том I: Теоретическое обоснование

Марина Рябова
Александр Капитонов

Рецензент Наталия Андреевна Гангнус

Редактор Ольга Сергеевна Соловьева

Дизайнер обложки Наталья Максимовна Белова

© Марина Рябова, 2026

© Александр Капитонов, 2026

© Наталья Максимовна Белова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-6168-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово рецензента

Представленное многотомное издание «Инициация мужчины. Двенадцать подвигов Геракла» является, без преувеличения, событием не только в отечественной психологии, но и в гуманитарной науке в целом. Впервые в российской научной литературе предлагается системная, теоретически обоснованная и одновременно практически реализуемая программа мужской инициации, охватывающая весь цикл взросления — от ранних подростковых кризисов до интеграции опыта зрелого мужчины, столкновения со смертью и обретения мудрости.

Авторам удалось совершить редкое по своей сложности дело: соединить строгость академического исследования с терапевтической эффективностью, не пожертвовав ни тем, ни другим. Это издание адресовано психологам, психотерапевтам, педагогам, социальным работникам, а также всем, кто по роду своей деятельности связан с сопровождением мальчиков и мужчин на пути взросления. Однако оно будет полезно и самой широкой читательской аудитории — тем отцам, сыновьям, дедушкам и внукам, которые ищут ответы на вопросы, не решаемые в рамках бытовой педагогики.

Современная ситуация с мужским взрослением, которую фиксируют клинические психологи, психиатры и социологи, может быть охарактеризована как системный кризис перехода. Мальчики достигают половой зрелости, но психологическая, социальная и духовная зрелость наступает всё позже, а у многих не наступает вовсе, заменяясь симулякрами взрослости — финансовой независимостью без внутренней автономии, сексуальным опытом без эмоциональной зрелости, карьерными достижениями без способности к радости и любви. Статистика суицидов, алкоголизма, одиночества и депрессии среди молодых мужчин бьёт все рекорды, и эти цифры не могут быть объяснены только социально-экономическими факторами или генетической предрасположенностью. Речь идёт о глубинном антропологическом сбое — об отсутствии признанных обществом и эффективных психологически ритуалов, которые помогли бы мальчику умереть как ребёнок и родиться как мужчина. Настоящее издание предлагает именно такое ритуальное, научно выверенное и мифологически укоренённое решение.

Авторы издания избрали в качестве операционной модели миф о двенадцати подвигах Геракла — и этот выбор, как убедительно доказывается в теоретической части, далеко не случаен. Геракл — единственный греческий герой, который не родился богом, но стал им через действие, через последовательное прохождение двенадцати испытаний, каждое из которых решает определённую психологическую задачу взросления. В отличие от многих современных нарративов о «сильном мужчине», где сила либо дана от рождения, либо достигается через подавление других, Геракл идёт, ошибается, страдает, теряет близких, впадает в безумие, служит слабому царю, но в конечном счёте достигает апофеоза — становится богом, не переставая быть человеком. Именно эта двойная перспектива — человеческая уязвимость и божественная цельность — делает миф о Геракле уникальным нарративом для мужской инициации, применимым в любую эпоху и в любой культуре.

Научная глубина и методологическая строгость издания заслуживают отдельной высокой оценки. Теоретический фундамент многотомника опирается на классические работы Арнольда ван Геннепа о структуре обрядов перехода, труды Мирчи Элиаде о символической смерти и воскресении в инициации, психоаналитические концепции Зигмунда Фрейда, Карла Густава Юнга, Эрика Эриксона. Авторы не ограничиваются компиляцией известных теорий — они предлагают оригинальный синтез, в котором мифологический нарратив выступает не

как иллюстрация к психоаналитическим построениям, а как самостоятельная, эвристически богатая модель, способная порождать новые исследовательские вопросы и терапевтические решения.

Особо следует отметить кросс-культурный анализ мужских инициаций, представленный во втором разделе первого тома: он охватывает материал от Австралии и Океании до индоевропейских древностей, демонстрируя универсальность инициационной структуры при всём многообразии её культурных воплощений.

Ценность издания определяется не только его теоретической основательностью, но и смелостью практических выводов, которые авторы формулируют без эвфемизмов и дипломатических умолчаний. Общество, разрушившее традиционные мужские инициации и не создавшее новых, получает не «самостоятельных» и «успешных» мужчин, а массу инфантильных, тревожных, зависимых от внешней оценки молодых людей, которые не знают, чего они хотят, не умеют просить о помощи, не могут присвоить свои достижения и боятся любой близости. Алкоголизм, армейская дедовщина, подростковые банды, игровая и цифровая зависимость — всё это, с точки зрения авторов, является не отдельными патологиями, а разными формами одной и той же ложной инициации, которую культура предлагает мальчику вместо подлинного перехода. Этот диагноз звучит жёстко, но именно его жёсткость является условием эффективности любой последующей терапевтической работы.

Особо внимания заслуживает то, как авторы избегают двух крайностей, в которые часто впадают исследователи мужской психологии. С одной стороны, здесь нет ригидного традиционализма, идеализирующего архаические инициации с их жестокостью и насилием и призывающего «вернуться к корням» без учёта реалий современного мира. С другой стороны, здесь нет и редукции мужского развития к социально приемлемым формам «безопасной маскулинности», которая часто оборачивается подавлением естественных проявлений мужской природы. Авторы сохраняют трезвый, научный взгляд, признающий специфику мужского развития, но не делающий из этой специфики ни дефекта, ни культа. Мужчина в этом издании — не палач и не жертва, а субъект собственного пути, который требует от него усилий, выборов и ответственности.

Первый том издания, который читатель держит в руках, представляет собой теоретический фундамент всего многотомника. Здесь даётся развёрнутое определение мужской инициации, отличающее её от социализации, обучения и воспитания; анализируется трёхчастная структура обрядов перехода по ван Геннепу; выделяются четыре обязательных элемента любой инициации — изоляция, ритуальная смерть, испытание и возвращение. Кросс-культурный анализ охватывает мужские инициации в Австралии и Океании, в Африке (масаи, йоруба, баганда), у индейцев Северной Америки (поиск видения) и в индоевропейских культурах (ведийская дикша, германские маеннербунд). Античные модели — спартанская криптия, афинская эфебия, Элевсинские мистерии, мистерии на Самофракии — представлены в их инициационном измерении. Психоаналитическая традиция проанализирована от Фрейда и Ранка до Юнга и Элиаде с акцентом на то, что каждая из этих школ может дать для понимания мужской инициации.

Завершается теоретическая часть главами, посвящёнными современному кризису мужской инициации и анализу мифа о Геракле как операционной модели для построения инициационных программ. Феномен «кидалта», ложные инициации в виде дедовщины, подростковых банд и деструктивных сект, статистика суицидов, алкоголизма и одиночества — всё это полу-

чает в этих главах не моральную оценку, а структурный анализ. Кризис предстаёт не как следствие личных ошибок или «слабости поколения», а как закономерный результат отсутствия легитимных институций, которые могли бы взять на себя функцию инициации. Альтернативы здесь нет: если общество не даёт мальчикам легитимной инициации, оно получает нелегитимную — в виде аддикций и девиаций.

Миф о Геракле разбирается в теоретической части как исчерпывающая операционная модель, содержащая в себе все необходимые элементы для построения современной инициационной программы. Двенадцать подвигов Геракла, каждый из которых имеет свою структуру, своих помощников, своих антагонистов и свой результат, образуют последовательную карту психосоциального развития мужчины. Эта карта, как убедительно показано в девятой главе, изоморфна психосексуальным стадиям по Фрейд и Эриксону, что подтверждает её объективную психологическую обоснованность, независимую от культурной конъюнктуры. Параллели между Немейским львом и оральной агрессией, Лернейской гидрой и множественными защитами, Стимфалийскими птицами и интрузией, Керинейской ланью и латентным периодом не являются натянутыми аналогиями, а обнаруживают глубинное единство мифологического и психоаналитического описания взросления.

Особую ценность изданию придаёт то, что оно не ограничивается теоретическим обоснованием, но предлагает детально разработанные практические протоколы для каждого из двенадцати подвигов. Каждому подвигу в последующих томах посвящена отдельная книга, в которой читатель найдёт полный текст мифа в нескольких переводах (Аполлодор, Грейвс, Кун), его символический и психологический разбор, введённые медитации («Путешествие к архетипу»), телесные упражнения («Львиная шкура», «Золотые рога», «Пояс неуязвимости»), игры и групповые практики, дневниковые задания для интеграции (на 7 дней после прохождения), а также полный сценарий квеста для трёх форматов (полевой лагерь, городское помещение, домашнее прохождение). Эта методическая полнота превращает многотомник не просто в книгу для чтения, а в практическое руководство к действию, которое может быть использовано как психотерапевтами и ведущими групп, так и самими мужчинами, решившими пройти путь инициации самостоятельно или в паре с наставником.

Издание адресовано широкому кругу специалистов, работающих с мальчиками и мужчинами в разных контекстах. Клинические психологи и психотерапевты найдут здесь диагностический язык (опросник «На каком подвиге ты сейчас?», проективные методики, карта психосоциального развития), терапевтические техники (работа с гневом, зависимостями, виной, страхом смерти) и протоколы групповой работы («Круг Геракла», ролевые игры, скульптуры), которые могут быть интегрированы в их существующую практику независимо от теоретической ориентации.

Педагоги и школьные психологи получат инструмент для профилактической работы с мальчиками-подростками, который может быть использован как в рамках уроков психологии, так и во внеурочной деятельности (лагеря, клубы, походы). Отцы и наставники найдут здесь не только теорию, но и конкретные инструкции: как провести квест «Немейский лев» в парке, как организовать «Авгиевы конюшни» в собственной комнате ребёнка, как говорить с сыном о гневе, используя метафору львиной шкуры.

Нельзя обойти вниманием и стилистическое достоинство издания. Несмотря на сложность и междисциплинарность затронутых тем, текст написан ясным, точным, свободным от излишней терминологической перегруженности языком. Авторам удалось избежать двух край-

ностей — как наукообразного жаргона, делающего текст недоступным для непосвящённых, так и популистского упрощения, обесценивающего глубину затронутых вопросов. Каждый термин вводится с определением и иллюстрируется примерами, каждая теоретическая конструкция сопровождается клинической или жизненной иллюстрацией. Читатель не чувствует себя ни студентом на трудном экзамене, ни покупателем на ярмарке эзотерических обещаний. Он чувствует себя собеседником, которого авторы уважают и которому доверяют сложность пути.

Тема мужской инициации, центральная для данного издания, долгое время находилась в тени отечественной гуманитарной науки. Если антропологические и религиоведческие аспекты инициации исследовались достаточно интенсивно (ван Геннеп, Элиаде, Тёрнер), то практическое применение этих знаний в психологии и педагогике оставалось на периферии. Это было связано не только с методологическими трудностями, но и с осторожностью перед архаическими формами ритуалов, которые казались неприемлемыми в контексте современной этики. Настоящее издание предлагает не реконструкцию древних обрядов, а их структурную адаптацию: из мифа извлекаются психологические принципы, очищенные от культурно-специфичных и потенциально травматичных деталей. Это позволяет сохранить трансформационную силу инициации, полностью исключив её жестокость и насилие.

Теоретическая инновация, предлагаемая авторами, заключается, на мой взгляд, в отказе от дихотомии «биология — культура» при объяснении мужской инициации. Вместо того чтобы сводить инициацию либо к биологическому процессу полового созревания, который «сам по себе» делает мальчика мужчиной, либо к чисто социальной конструкции, которая может быть произвольно изменена по желанию общества, авторы предлагают рассматривать инициацию как культурно-оформленный ответ на универсальный психобиологический кризис перехода. Пубертат является не самой инициацией, а её биологическим сигналом, требующим культурного ответа. Если общество не даёт адекватного ответа на этот сигнал, кризис не исчезает, а загоняется внутрь, превращаясь в симптом (инфантильность, агрессию, депрессию, аддикции). Это понимание снимает бесконечные споры между сторонниками «биологического детерминизма» и «социального конструктивизма» и позволяет перейти к конструктивной работе.

Миф о Геракле, выбранный авторами в качестве операционной модели, подвергается в издании многоуровневому анализу, который может служить образцом для мифологических исследований. Сначала миф даётся в полном виде по Аполлодору, затем — в адаптированных переложениях Роберта Грейвса и Николая Куна, что позволяет читателю увидеть разные версии одного и того же сюжета. Затем следует символический разбор, в котором каждый персонаж, каждый предмет и каждое действие получают психологическую интерпретацию, не теряя при этом своей мифологической конкретности. Затем — психоаналитическая интерпретация, связывающая подвиги Геракла с психосексуальными стадиями, эдиповым комплексом, архетипами коллективного бессознательного и процессом индивидуации. И наконец — прикладная интерпретация, где миф становится картой для терапевтической и инициационной работы.

Клиническая значимость издания заключается прежде всего в том, что оно предлагает альтернативу как чисто медицинской модели (симптом = болезнь, болезнь = дефект, дефект = лекарство), так и чисто социальной модели (проблема = недостаток ресурсов, ресурсы = помощь, помощь = адаптация). Вместо этого авторы возвращают мужчине его историю, понимаемую не как цепочку травм и дефицитов, а как путь, на котором есть закономерные кризисы, требующие закономерных ответов. Мужчина с неконтролируемым гневом перестаёт быть «пациентом с диагнозом» и становится «Гераклом, который не задушил своего льва». Мужчина с зависимостью перестаёт быть «случаем из статистики» и становится «Гераклом, который не

справился с кентаврами». Мужчина, застрявший в позиции жертвы, становится «Гераклом, который не укротил коней Диомеда». Это переименование не является игрой в слова — оно меняет терапевтическую позицию, отношение клиента к себе и, в конечном счёте, прогноз.

Особого упоминания заслуживает работа авторов с темой мужской агрессии, конкуренции и зависти, которая является одной из самых сложных и редко проговариваемых в мужском сообществе. Вместо морализаторских призывов «быть добрее» и «не соревноваться», которые часто звучат как скрытое требование подавить естественные проявления, авторы обращаются к первым подвигам Геракла. Немейский лев учит не подавлять гнев, а трансформировать его в львиную шкуру — доспех, защищающий от внешних угроз. Кони Диомеда учат не избегать конкуренции, а выходить из сценария «жертва-деспот», где конкуренция превращается либо в самоуничтожение, либо в уничтожение других. Эта трезвая, неидеализированная позиция делает издание особенно ценным для практической работы с мужчинами, которые устали от требований быть «безопасными» и хотят научиться быть сильными, не разрушая себя и других.

Методическая часть издания, которая будет развёрнута в последующих томах, уже в первом томе представлена в виде подробного оглавления и аннотаций, позволяющих оценить масштаб и системность замысла. Двенадцать томов, каждый из которых посвящён одному подвигу, имеют единую структуру, облегчающую навигацию: миф и его интерпретация (полный текст мифа по трём источникам, символический разбор, психологическая интерпретация), психология соответствующего феномена (теория вопроса, клинические проявления, диагностика, методы коррекции), методические практики (ведомые медитации, телесные упражнения, игры, дневниковые задания), организация квеста (три варианта: полевой лагерь, городское помещение, домашнее прохождение; чек-листы, техника безопасности). Такая единообразная структура позволяет читателю легко ориентироваться в материале, быстро находить нужный раздел и при необходимости возвращаться к уже пройденным этапам.

Том, завершающий издание, содержит полный протокол двенадцатидневной программы инициации, включая скрининг участников (психологическая диагностика перед началом), технику безопасности (правило стоп-слова, присутствие психолога, план действий в экстренных ситуациях), распределение ролей ведущих и помощников (Афина, Гермес, Иолан), организационные чек-листы (реквизит, локации, питание, транспорт) и варианты адаптации программы для разных форматов (интенсивный лагерь, городской клуб, домашняя работа). Это превращает многотомник из набора теоретических и методических материалов в готовое к использованию руководство, которое может быть взято на вооружение как специализированными центрами, так и инициативными группами отцов и сыновей.

Нельзя не отметить и терапевтический потенциал самого акта чтения этого издания для мужчины, который не имеет возможности пройти полноценную групповую инициацию. Простое узнавание себя в одном из двенадцати подвигов — «я застрял на Немейском льве», «моя гидра отращивает всё новые головы», «мой Цербер не пускает меня обратно из Аида» — уже является терапевтическим действием, потому что оно даёт имя и структуру тому, что раньше было аморфным чувством «со мной что-то не так». Дневниковые задания, включённые в каждый том, позволяют мужчине самостоятельно, в безопасном темпе, прорабатывать своё застревание, не опасаясь стыда или оценки. Ведомые медитации, представленные в виде текстов, которые можно записать на диктофон или прочитать вслух, дают доступ к изменённым состояниям сознания без присутствия гипнотерапевта.

В заключение хочется сказать, что данное издание появляется в России в очень своевременный момент. Общество переживает ценностный кризис, в котором старые нормы и идеалы уже не работают, а новые ещё не сформировались. В этом вакууме мужчины оказываются перед необходимостью самостоятельно, без поддержки традиции и без карты, прокладывать свой путь во взрослость. Одни выбирают гипертрофированный карьеризм, имитирующий успех и оставляющий человека в одиночестве и выгорании. Другие выбирают регрессию в инфантильные позиции «вечного мальчика», избегающего ответственности и не способного к глубоким отношениям. Третьи пытаются совместить несовместимое и срываются в тревогу, депрессию или аддикции. Именно в этой ситуации издание, предлагающее третий путь — путь инициации, путь Геракла, путь осознанного, ритуализированного, поддерживаемого сообществом взросления — становится не просто книгой, а культурным событием, ответом на вызов времени.

Рекомендую издание к широкому распространению в профессиональной среде и в библиотеках психологических, педагогических и антропологических факультетов университетов. Оно может быть использовано как учебное пособие для студентов, изучающих психологию развития, возрастную психологию, психотерапию, антропологию и культурологию. Оно будет полезно практикующим специалистам как настольный справочник по мужской инициации, содержащий как теоретическое обоснование, так и готовые протоколы работы. Оно может быть рекомендовано и широкому кругу читателей, интересующихся психологией и саморазвитием, но при этом с ясным предупреждением, что самостоятельная работа с методиками требует осознанности и соблюдения техники безопасности. Издание заслуживает самых высоких оценок и, без сомнения, займёт достойное место в ряду фундаментальных трудов по психологии мужчины.

Кандидат педагогических наук, доцент *Наталья Андреевна Гангнус*

Предисловие к изданию

Современный мужчина находится в глубочайшей антропологической растерянности, о которой ещё полвека назад никто всерьёз не говорил. Традиционные механизмы передачи мужской роли — инициации, обряды перехода, наставничество старших — в индустриальных и постиндустриальных обществах практически исчезли или подверглись радикальной деформации. Как отмечают исследователи, «...современный молодой человек застревает между юностью и взрослостью на годы, а иногда и на десятилетия»¹ (С. 45).

Социологические исследования фиксируют тревожную картину: мужчины в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет всё чаще демонстрируют черты, которые прежде были характерны для подросткового возраста. Это неспособность принимать долгосрочные обязательства, избегание ответственности и неумение выносить напряжение отложенного удовольствия.

Данный феномен получил в западной психологии название «кидалт» — взрослый ребёнок, человек, чьё биологическое и хронологическое взросление не сопровождается взрослением психологическим и социальным. Такой мужчина может успешно работать, водить машину, платить налоги, но в кризисной ситуации реагирует как подросток или даже как ребёнок. Он не способен выдерживать фрустрацию, отстаивать свои границы без агрессии, принимать решения в условиях неопределённости. Психотерапевты всё чаще сталкиваются с клиентами, которые жалуются на «ощущение, что я ещё не вырос», хотя им за тридцать. Эта внутренняя растерянность не связана напрямую с материальным достатком или уровнем образования — она имеет иные, более глубокие причины.

Статистика суицидов среди мужчин в возрасте от двадцати до сорока пяти лет в России в несколько раз превышает женские показатели, и этот разрыв является одним из самых высоких в мире. По данным за последние годы, на каждые сто женских самоубийств приходится более пятисот мужских в той же возрастной группе. Исследователи связывают этот феномен не только с экономическими факторами, но и с утратой мужской идентичности, которая в традиционных обществах подкреплялась ритуалами перехода. Мужчина, не знающий, кто он и каково его место в мире, оказывается в ситуации экзистенциального вакуума, из которого самым радикальным выходом кажется смерть. Это не умозрительная теория, а клиническая реальность, с которой работают суицидологи и кризисные психологи.

Одновременно с этим растёт число мужчин, не состоящих в браке, не имеющих детей или утративших связь с уже рождёнными детьми после развода. Социологические опросы показывают, что многие молодые мужчины сознательно откладывают создание семьи, ссылаясь на «неготовность» или «нестабильность». За этими объяснениями часто стоит не реальная нестабильность, а глубинная неспособность взять на себя ответственность за другого человека.

Психологи всё чаще связывают эти явления не с личностными особенностями отдельно взятых мужчин, а с отсутствием институционализированных переходов во взрослость. Как пишет один из исследователей мужского кризиса, «...мальчик, не прошедший инициации, навсегда остаётся мальчиком в теле мужчины»² (С. 72).

¹ Зимбардо Ф., Кулон Н. Мужской кризис. — Москва: Эксмо, 2017. — 384 с.

² Кинг Дж. А., Хикс Д. М. Мужчины без отцов. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. — 312 с.

Проблема усугубляется тем, что традиционные мужские инициации, существовавшие в крестьянской, ремесленной и воинской культурах, были разрушены в ходе урбанизации и технологических революций. Раньше мальчик в возрасте двенадцати — четырнадцати лет проходил через испытание, после которого общество признавало его мужчиной: это могла быть охота, посвящение в ремесленники, военная подготовка или самостоятельный поход. Сегодня же эти институты либо исчезли полностью, либо превратились в формальные церемонии, не несущие психологической нагрузки перехода. Получение паспорта или аттестата зрелости не требуют от мальчика встречи со страхом, болью, смертью — а без этой встречи инициация не происходит. Ритуал становится пустой формой, не меняющей ничего в душе человека.

Школа не предлагает мальчику испытаний, после которых он почувствовал бы себя изменившимся, а семья всё чаще избегает темы взросления, предпочитая продлевать детство. Родители, особенно матери, неосознанно удерживают сына в позиции «ребёнка», потому что боятся его отделения и собственного одиночества. В результате молодой человек оказывается в ситуации, когда его тело говорит ему об одном, социальные ожидания — о другом, а внутреннее ощущение себя — о третьем. Он слышит от окружающих «ты уже взрослый», но внутри не чувствует ничего, кроме пустоты и растерянности. Этот разрыв между биологическим и психологическим взрослением порождает феномен «зависшего перехода», когда человек годами не может двинуться дальше.

Человек формально является взрослым, но внутри остаётся подростком, не знающим, как быть мужчиной. Такое состояние особенно остро проявляется в моменты кризисов — потеря работы, развод, смерть близких, — когда от мужчины требуется зрелая, осознанная реакция, а он отвечает по-детски. Это может быть уход в депрессию, когда человек просто перестаёт вставать с дивана и теряет интерес к жизни. Это может быть алкоголизация — быстрый и доступный способ снять напряжение и не чувствовать боль. Это может быть взрывная агрессия, направленная на близких или на случайных прохожих. Наконец, это может быть полный отказ от действий, когда человек замирает и ничего не делает, надеясь, что проблема рассосётся сама собой.

Отсутствие внутренней опоры, которую в традиционных культурах давала именно инициация, приводит к тому, что мужчина ищет суррогатные формы подтверждения своей мужественности. Такими суррогатами становятся экстремальные виды спорта, где адреналин заменяет подлинное испытание духа. Это рискованное поведение на дорогах — агрессивная езда, гонки, намеренное нарушение правил как способ доказать себе, что «я смелый». Это участие в агрессивных сообществах, где мужественность отождествляется с жестокостью и способностью наносить боль. Или, напротив, полный уход в виртуальную реальность и видеоигры, где можно быть героем, не рискуя ничем по-настоящему. Ни одно из этих занятий не даёт того, что даёт подлинная инициация.

Армейская дедовщина представляет собой ещё один пример ложной инициации, которая имитирует структуру подлинного перехода, но не даёт его результата. Вместо передачи мудрости от старших к младшим здесь происходит унижение и насилие, закрепляющее травму, а не взросление. Молодой человек, прошедший через «дедовщину», часто становится либо забитым и тревожным, либо сам начинает насиловать более слабых — и в том, и в другом случае о психологической зрелости говорить не приходится. Система, построенная на страхе и унижении, не может воспитать свободного и ответственного мужчину. Она воспитывает либо жертву, либо палача, но не зрелого взрослого человека.

Подростковые банды и криминальные группировки дают ощущение принадлежности и ритуалы посвящения, но закрепляют деструктивные модели поведения. Чтобы стать «своим», нужно совершить что-то незаконное или насильственное — это становится пропуском во взрослость, но взрослость эта криминальная и саморазрушительная. Деструктивные секты используют механизмы инициации для манипуляции сознанием, подменяя подлинное взросление тотальным контролем. Человек, вступивший в секту, перестаёт принадлежать себе, его развитие останавливается или идёт по патологическому пути. Все эти суррогаты объединяет одно: они не ведут к автономии и ответственности, а, напротив, закрепляют зависимость от группы и внешних авторитетов.

Как справедливо замечают исследователи, «...общество, не дающее мальчикам легитимной инициации, обязательно получит нелегитимную»³ (С. 89). Это не моральное суждение, а констатация факта: потребность в переходе заложена в человеческой психике биологически, и если ей не дать культурно приемлемого выхода, она найдёт выход разрушительный. Каждый подросток интуитивно ищет испытание, которое сделает его мужчиной, — и если общество не предлагает ему охоты или посвящения в воины, он найдёт альтернативу. Этой альтернативой становятся драки, рискованная езда, алкоголь, наркотики или вступление в деструктивные группы. Задача взрослых — предложить ему другую, созидательную альтернативу.

Именно для восполнения этого дефицита — отсутствия легитимной, безопасной и эффективной мужской инициации — создан настоящий многотомник. Мы предлагаем методику, основанную на архетипическом сюжете двенадцати подвигов Геракла. Каждый подвиг в этой книге соответствует решению конкретной психологической задачи взросления.

Задача данного многотомника — дать читателю теоретическую базу и практические инструменты для самостоятельной работы или работы под руководством наставника. Авторы не утверждают, что предлагаемая методика является единственно верной или полностью доказанной, но предлагают её как один из возможных путей решения описанного кризиса.

Среди множества героев греческой мифологии Геракл занимает совершенно особое место, не имеющее аналогов ни в античной, ни в мировой культуре. В отличие от Ахилла, прославленного воинской доблестью, но погибшего молодым, или Одиссея, прославленного хитроумием, но так и не обретшего покоя, Геракл совершил двенадцать подвигов. Он прошёл через страдания, безумие, потерю близких и в финале своего земного пути стал богом. Ни один другой греческий герой не удостоился апофеоза — прижизненного превращения смертного в бессмертного. Как писал исследователь мифологии, «*Геракл — это мост между человеческим и божественным, построенный не рождением, а действием*»⁴ (С. 156).

Именно эта траектория — от человека к богу через преодоление — делает Геракла идеальной моделью для мужской инициации. В традиционных обществах инициация требовала от мальчика смерти ребёнка и рождения мужчины, и Геракл демонстрирует этот путь в чистом виде. Он не рождён бессмертным, как Дионис или Персей, — он заслуживает бессмертие своими поступками. Каждый его подвиг — это не просто победа над чудовищем, а внутреннее преобразование самого героя. Поэтому миф о Геракле может служить операционной картой для современной мужской инициации.

³ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

⁴ Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / пер. с англ. А. П. Хомик. — Москва: АСТ, 2018. — 416 с.

Геракл уникален ещё и тем, что его подвиги образуют не случайный набор приключений, а строгую последовательность. Каждый этап этой последовательности логически вытекает из предыдущего и подготавливает следующий. Он начинается с победы над Немейским львом — олицетворением неуправляемой агрессии. Затем учится не срубить головы Лернейской гидре, а прижигать их огнём знания. Далее овладевает искусством управления навязчивыми мыслями (Стимфалийские птицы). И только после этого отправляется в годовую погоню за Керинейской ланью — символом долгосрочной цели. Эта последовательность отражает логику психологического взросления: от аффектов к мышлению, от мышления к стратегии.

Каждый последующий подвиг оказывается сложнее предыдущего и требует новых качеств, которых у Геракла на начальном этапе ещё нет. В схватке с кентаврами он сталкивается с темой зависимостей и самооценки. Очищая Авгиевы конюшни, он понимает, что иногда проблему нельзя решить, разбирая её по частям, — нужно изменить систему. Укрощая Критского быка, он учится не разрушать силу, а оседлывать её и направлять. Исследователи мужской психологии отмечают, что «...последовательность подвигов Геракла является точной метафорой этапов развития мужской психики»⁵ (С. 89). Каждый следующий подвиг готовит героя к следующему, более сложному испытанию.

Особого внимания заслуживает тот факт, что Геракл совершает подвиги не в гордом одиночестве, а в окружении помощников. Афина, богиня мудрости, подсказывает ему решения, которые не лежат на поверхности. Гермес, проводник душ, помогает ориентироваться между мирами — живым и мёртвым. Иолай, верный друг, прижигает гидре шеи, без чего победа была бы невозможна. Даже слабый Эврисфей создаёт внешнее давление, заставляющее Геракла расти. Ни один подвиг не совершён в полной изоляции — это важнейший урок для современной инициации.

Первый подвиг — Немейский лев — символизирует встречу с собственным гневом и разрушительными импульсами. Шкура льва непробиваема для оружия, что означает невозможность победить агрессию агрессией. Геракл душил льва руками — то есть берёт гнев под контроль без оружия, через осознание и волю. Затем он снимает шкуру челюстями самого льва и надевает её как доспех. Это означает трансформацию разрушительной силы в защитную: враг становится союзником. Первый подвиг учит: нельзя уничтожить гнев, но можно научиться им управлять.

Второй подвиг — Лернейская гидра — учит работе с множественными психологическими защитами. На месте одной срубленной головы вырастают две, что напоминает механизмы психики: чем больше мы боремся с проблемой в лоб, тем сильнее она разрастается. Геракл побеждает гидру, прижигая шеи огнём, — огонь здесь символ знания, света истины, рефлексии. Помощник Иолай прижигает шеи, пока Геракл рубит головы, — метафора совместной терапии или наставничества. Яд гидры Геракл затем использует для смазывания стрел — побеждённая тень становится источником силы. Второй подвиг учит: проблему нельзя просто отрубить, её нужно осветить знанием.

Третий подвиг — Стимфалийские птицы — посвящён регуляции навязчивых, интрузивных мыслей. Птицы с бронзовыми перьями атакуют героя изнутри болота — энтропийного пространства сознания. Обычные стрелы против них бесполезны, потому что мысль нельзя убить мыслью. Афина даёт Гераклу трещотки, шумовой инструмент, — звук и ритм разго-

⁵ Блай Р. Железный Джон. — Москва: Касталия, 2015. — 304 с.

няют птиц. Это напоминает техники переключения внимания: заикленную мысль можно прервать внешним стимулом. Третий подвиг учит: не нужно бороться с навязчивыми мыслями, их можно разогнать ритмом и действием.

Четвёртый подвиг — Керинейская лань — символизирует долгосрочную цель, которую нельзя взять силой. Геракл гонится за ланью целый год, не применяя оружия, — это метафора длительной психотерапии или обучения. Лань принадлежит Артемиде, и ранить её нельзя, иначе богиня разгневется. Геракл ловит лань измождением, доводя её до усталости, — цель достигается не агрессией, а терпением и выносливостью. Путь к цели меняет человека сильнее, чем сама цель. Четвёртый подвиг учит: есть вещи, которые можно получить, только перестав их требовать и начав идти к ним.

Пятый подвиг — Эримафский вепрь и кентавры — погружает в тему зависимостей и самооценности. Кентавры, полулюди-полулошади, символизируют необузданные инстинкты, особенно связанные с алкоголем и чувственностью. Геракл убивает даже дружественных кентавров (Фола и Хирона), что означает неотвратимость последствий зависимости для всех вокруг. Хирон, мудрейший из кентавров, умирает от яда гидры, но превращается в созвездие — мудрость переходит в вечность. Эримафский вепрь уничтожает посеы — метафора обесценивания собственных достижений. Пятый подвиг учит: зависимость убивает не только зависимого, но и его мудрость.

Шестой подвиг — Авгиевы конюшни — посвящён очищению от прошлого, вины и стыда. Конюшни не чистились тридцать лет, и навоз накопился до небес — метафора запущенной психики, полной отходов старых обид и ошибок. Геракл не чистит конюшни лопатой (то есть не копается в грязных деталях), а направляет русла двух рек, смывающих грязь потоком. Это означает: лучшее очищение — не рефлексия вины, а новая деятельность, новый поток жизни. После очищения Геракл убивает Авгия, обманувшего его, — необходимо устранить источник токсичности. Шестой подвиг учит: не копайся в навозе — подведи реку.

Седьмой подвиг — Критский бык — посвящён обузданию эгоизма и нарциссической силы. Бык был подарен Посейдоном царю Миносу для жертвоприношения, но Минос оставил быка себе — метафора присвоения того, что принадлежит богам. За это бык сошёл с ума и стал крушить всё вокруг, символизируя эгоизм, оторванный от источника. Геракл не убивает быка, а оседлывает его и переплывает на нём море — сознание подчиняет хаотичную силу и возвращает её в стихию, очищая. Затем бык оказывается на Крите, где его позже укротит Тесей. Седьмой подвиг учит: не присваивай то, что тебе не принадлежит, — умей оседлать свою силу.

Восьмой подвиг — кони Диомеда — выводит из сценария «жертва — деспот». Конилюдоеды символизируют инстинкты, которые пожирают своего хозяина и окружающих. Диомед кормит коней ничего не подозревающими гостями — это деспот, который сам является жертвой своих инстинктов. Геракл не становится ни жертвой, ни деспотом: он выводит коней за пределы системы. В финале кони пожирают самого Диомеда — деспот уничтожается собственной системой. Восьмой подвиг учит: деспот и жертва — две стороны одной монеты, выход в том, чтобы перестать играть в эту игру.

Девятый подвиг — пояс Ипполиты — формирует эмоциональную саморегуляцию. Пояс амазонки Ипполиты символизирует способность сдерживать импульсы и сохранять устойчивость в стрессовых ситуациях. Этимология слова «распоясался» означает потерю контроля над

эмоциями. Геракл добывает пояс, но не убивая амазонок, а договорившись — хотя вмешательство Геры порождает битву. Пояс затем попадает в храм Геры, что означает: высшая организация эмоций принадлежит божественному. Девятый подвиг учит: эмоциональная неуязвимость — это не отсутствие чувств, а управление ими.

Десятый подвиг — стадо Гериона — учит управлять множественными аспектами личности. Трёхголовый великан Герион символизирует диссоциированную личность, чьи части не соединены друг с другом. Стадо красных коров — это множество жизненных сил, инстинктов и желаний, которые нужно собрать воедино. Геракл добирается до острова Эрифий в золотой ладье Гелиоса — истина (солнце) перевозит героя туда, где обитает множественность. Флейта, на которой играет Геракл, — символ ритма и гармонии, которые удерживают стадо от разбегания. Десятый подвиг учит: стадо само по себе — хаос, пастух — сознание, флейта — искусство управления собой.

Одиннадцатый подвиг — яблоки Гесперид — вводит в экзистенциальную мудрость. Геракл отправляется на край земли за яблоками, дарующими вечную молодость, — это метафора поиска смысла жизни. В пустыне он встречает Антея, сына Земли, который непобедим, пока касается земли, — это привязанность к материальному, которую можно преодолеть, только оторвавшись от неё. Атлант держит небесный свод — ответственность за весь мир, которую Геракл временно берёт на себя. Геракл добывает яблоки не силой, а хитростью (обманув Атланта) — мудрость умнее силы. Одиннадцатый подвиг учит: вечная молодость — это не тело, это дух, который обновляется через знание.

Двенадцатый подвиг — укрощение Цербера и спуск в Аид — завершает инициацию принятием смерти. Геракл спускается в царство мёртвых за трёхглавым псом, охраняющим выход. Цербер дружелюбен ко входящим, но беспощаден к выходящим — это страх перемен, который не пускает обратно в жизнь. Геракл не убивает Цербера, а укрощает его и выводит на свет. Слюна Цербера, упавшая на землю, даёт начало ядовитым травам — из смерти рождается жизнь. Двенадцатый подвиг учит: кто спустился в Аид и вернулся, тот бессмертен — не физически, а духовно.

Таким образом, двенадцать подвигов Геракла представляют собой карту психосоциального развития мужчины. Каждый подвиг решает конкретную задачу взросления, и пропуск любого этапа делает всю конструкцию неполной. Геракл — это человек, который не родился богом, но стал им благодаря действию, страданию и рефлексии. Именно поэтому миф о нём может стать основой для современной мужской инициации, возвращающей мужчинам утраченную способность взрослеть. В следующих томах мы подробно разберём каждый подвиг и предложим практические методики его психологического прохождения.

Настоящий многотомник адресован в первую очередь психологам, психотерапевтам и педагогам, которые работают с мальчиками и молодыми мужчинами. Эта категория читателей найдет здесь не только теоретическое обоснование необходимости мужской инициации, но и конкретные, пошагово описанные методики для групповой и индивидуальной работы. Книга предлагает готовые сценарии квестов, тексты введомых медитаций, описания рисуночных техник и диагностических процедур, которые можно сразу применять в практике.

Для профессионала, работающего с мужскими кризисами, тревогой, агрессией или инфантильностью, этот многотомник может стать настольным методическим пособием. Как

отмечал Юнг, «...психотерапевт не может вести пациента туда, где не был сам»⁶ (С. 78), поэтому мы настоятельно рекомендуем специалистам выполнить все практики на себе до начала работы с группой.

Психолог, использующий данную методику, получает не разрозненные упражнения, а целостную систему, выстроенную вокруг архетипического сюжета. Каждый том посвящён одному подвигу и включает мифологический, символический, психологический и методический разделы, что позволяет специалисту глубоко понять смысл каждого этапа инициации. Для работы с подростковыми группами предлагаются адаптированные варианты квестов, учитывающие возрастные особенности и динамику групповых процессов. Для индивидуальной психотерапии (например, в работе с мужской депрессией, алекситимией или посттравматическим стрессовым расстройством) могут быть использованы отдельные тома, соответствующие актуальной проблеме клиента. Важно подчеркнуть, что методика не заменяет клинической психотерапии при острых состояниях, но может быть эффективным дополнением к ней на этапе ремиссии и ресурсации.

Вторую важнейшую категорию читателей составляют отцы, наставники, старшие братья, тренеры и любые взрослые мужчины, которые хотят стать проводниками для мальчиков в их взрослении. Традиционная культура знала институт наставничества, когда старший мужчина брал на себя ответственность за инициацию младшего, но в современном мире этот институт почти полностью разрушен. Данный многотомник предлагает восстановленный ритуал, адаптированный к реалиям XXI века, который отец или наставник может провести со своим мальчиком в формате домашнего квеста или регулярных встреч. В каждом томе есть отдельный раздел с инструкцией для отца: как подготовиться, как выстроить разговор, как поддержать ребёнка после выполнения задания. Как пишет один из исследователей мужской психологии, «...отец — это первый и главный посвящающий мальчика»⁷ (С. 145).

Для отцов, которые хотят работать с сыном, не обязательно проходить все двенадцать томов последовательно. Достаточно первого тома (теоретическое обоснование) и выборочных томов по тем проблемам, которые актуальны для конкретного мальчика: например, если ребёнок страдает от вспышек гнева, можно начать со второго тома «Немейский лев». Если у мальчика есть признаки зависимости (компьютерные игры, гаджеты, дурная компания), можно обратиться к шестому тому «Эриманфский вебрь и кентавры». Если подросток застрял в позиции жертвы (буллинг, обесценивание, неумение постоять за себя), поможет девятый том «Кони Диомеда». Однако в долгосрочной перспективе рекомендуется пройти весь цикл, так как каждый последующий подвиг опирается на навыки, сформированные на предыдущих этапах.

Особое внимание в многотомнике уделено формату домашнего прохождения, доступному для отца и сына без специальной подготовки и оборудования. Каждый том содержит сценарий квеста «в домашних условиях»: с использованием подручных материалов, комнат квартиры или ближайшего парка, без необходимости выезжать на природу или арендовать помещение. Например, квест «Немейский лев» может быть проведён на детской площадке с использованием скакалок и картонных коробок, имитирующих пещеру. Квест «Авгиевы конюшни» может быть проведён в собственной комнате ребёнка, которую нужно очистить не руками, а придумав систему организации потока (ведра с водой, тазы, тряпки). Это делает методику доступной для любой семьи независимо от дохода и места проживания.

⁶ Юнг К. Г. Практика психотерапии / пер. с нем. А. М. Руткевича. — Москва: АСТ, 2020. — 336 с.

⁷ Блай Р. Железный Джон. — Москва: Касталия, 2015. — 304 с.

Третья категория читателей — сами мужчины, чувствующие, что в их жизни «что-то пошло не так», но не имеющие доступа к психологу или наставнику. Это могут быть молодые люди от восемнадцати до тридцати пяти лет, застрявшие между юностью и взрослостью, не понимающие, почему они не могут найти себя, построить отношения, выбрать профессию или просто чувствовать себя счастливыми. Это могут быть мужчины постарше, переживающие кризис среднего возраста и понимающие, что они «выросли телом, но не выросли душой». Для таких читателей предлагается формат самостоятельной работы: первый том плюс рабочие тетради, которые будут выпущены отдельным изданием. Рабочие тетради содержат дневниковые задания, техники самонаблюдения и адаптированные для индивидуального прохождения версии упражнений.

Самостоятельная работа имеет свои ограничения, о которых необходимо предупредить читателя. Без живого наставника невозможно пройти некоторые этапы инициации, требующие обратной связи, поддержки или даже физического присутствия другого человека (например, упражнения на доверие или телесные практики). Кроме того, в процессе прохождения отдельных подвигов могут актуализироваться болезненные переживания — страх, стыд, гнев, — с которыми одному может быть трудно справиться. Поэтому для самостоятельной работы мы рекомендуем иметь хотя бы одного «свидетеля» — друга, которому можно доверять, или вести дневник, который можно будет обсудить с психологом в дальнейшем. Тем не менее даже неполное прохождение цикла самостоятельно может дать значительные результаты: многие упражнения безопасны и эффективны при индивидуальном выполнении.

Важно подчеркнуть, что три категории читателей не являются взаимоисключающими. Психолог может использовать многотомник для собственной инициации (как мужчина, проходящий путь Геракла), и это сделает его работу с клиентами более глубокой и подлинной. Отец может пройти весь цикл сначала самостоятельно, а потом уже проводить квесты с сыном, что будет лучшей подготовкой, чем чтение любой теории. Мужчина, начавший с самостоятельной работы, может затем привести к психологу свои вопросы и продолжить путь уже в группе. Таким образом, многотомник предлагает непрерывную траекторию развития, на которой человек может переходить из одной роли в другую по мере своего роста.

Авторы многотомника отдают себе отчёт в том, что предлагаемая методика не является универсальной панацеей. Она не подходит для работы с лицами, страдающими тяжёлыми психическими расстройствами (психозы, тяжёлые формы депрессии с суицидальными намерениями, выраженные личностные аномалии в стадии декомпенсации). Перед началом участия в инициационной программе обязателен психологический скрининг, который может провести квалифицированный специалист. Также методика не предназначена для детей младше двенадцати лет — в этом возрасте инициация психологически незрелой психике может навредить. Наконец, методика не может быть проведена дистанционно или в полностью автоматизированном режиме без участия живого ведущего.

Мы приглашаем всех трёх категорий читателей к диалогу. Психологов и психотерапевтов — к апробации методики в своих группах и к обратной связи, которая поможет улучшить последующие издания. Отцов и наставников — к обмену опытом на специально созданном для этого форуме, адрес которого указан в конце тринадцатого тома. Самых мужчин — к честной и мужественной работе над собой, которая требуется для прохождения двенадцати подвигов. Этот многотомник — не инструкция к счастью, а карта пути. Идти по нему придётся самому.

Настоящий многотомник состоит из тринадцати томов, каждый из которых имеет свою чёткую функцию в общей структуре инициационного цикла. Первый том, который читатель держит в руках, посвящён теоретическому обоснованию мужской инициации и мифу о Геракле как операционной модели. Здесь представлены определение и структура инициации, кросс-культурный анализ мужских посвящений, обзор античных и психоаналитических подходов, а также диагностика современного кризиса мужской идентичности. Первый том является фундаментом для всех последующих и обязателен к прочтению независимо от того, в каком формате (групповом, индивидуальном, домашнем) планируется дальнейшая работа. Без понимания базовых понятий инициации — сепарации, лиминальности, инкорпорации — практическая работа с подвигами потеряет свой глубинный смысл.

Томы со второго по двенадцатый посвящены каждому из одиннадцати подвигов Геракла в отдельности и имеют строго единую структуру, что облегчает навигацию по многотомнику. Второй том посвящён Немейскому льву и трансформации гнева; третий — Лернейской гидре и интеграции деструктивных состояний; четвёртый — Стимфалийским птицам и регуляции навязчивых мыслей; пятый — Керинейской лани и стратегиям достижения баланса; шестой — Эриманфскому вепрю и кентаврам, то есть зависимостям и самооценности; седьмой — Авгиевым конюшням и очищению от прошлого; восьмой — Критскому быку и обузданию эгоизма; девятый — коням Диомеда и выходу из сценария «жертва — деспот»; десятый — поясу Ипполиты и эмоциональной саморегуляции; одиннадцатый — стаду Гериона и управлению множественными аспектами личности; двенадцатый — яблокам Гесперид и обретению мудрости.

Тринадцатый том завершает цикл, посвящённый укрощению Цербера, интеграции смерти и проведению итоговой двенадцатидневной инициации.

Каждый том со второго по двенадцатый содержит четыре обязательных раздела. Первый раздел — «Миф и его интерпретация» — включает полный текст мифа по первоисточникам (Аполлодор, Грейвс, Кун), символический разбор ключевых образов и психологическую интерпретацию подвига. Второй раздел — «Психология явления» — посвящён научному и клиническому анализу той сферы психики, которую затрагивает данный подвиг: гнев, зависимость, стыд, эгоизм, страхи, эмоциональная регуляция и так далее. Третий раздел — «Методические практики» — содержит ведомые медитации, рисуночные техники, телесные упражнения, дневниковые задания и групповые игры. Четвёртый раздел — «Организация квеста» — включает три варианта сценария (полевой лагерь, городское помещение, домашнее прохождение), чек-лист ведущего и рекомендации по технике безопасности.

Особое внимание в каждом томе уделено разделу «Методические практики», который является сердцем всей инициационной системы. Центральное место здесь занимает «Путешествие к архетипу» — ведомая медитация продолжительностью от двадцати до сорока минут, текст которой приведён полностью с инструкциями для ведущего. Эта медитация позволяет участнику встретиться с архетипическим образом подвига — Царём Гнева, Царицей Обиды, Королевой Страха, Аидом и Персефой — и получить от него дар. После медитации следуют упражнения на закрепление: рисунок полученного образа, телесное упражнение (например, «Львиная шкура» или «Пояс неуязвимости»), групповая игра и интеграционное обсуждение. Каждый том завершается дневниковыми заданиями на семь дней после прохождения подвига.

Тринадцатый том, итоговый, имеет иное строение, поскольку его задача — объединить все двенадцать подвигов в единый инициационный цикл. Он содержит программу двенадцатидневной инициации (или расширенного формата — одного дня на каждый подвиг), включающую расписание, организацию локаций, распределение ролей ведущих и наставников. Также

в тринадцатом томе подробно описан итоговый ритуал завершения инициации: круг, огонь, свидетельство, символическая смерть старого имени и рождение нового. Важнейший раздел тринадцатого тома — техника безопасности и работа с травмой: психологический скрининг участников, правила стоп-слова, присутствие психолога на всех этапах, план действий в экстренных ситуациях. Наконец, тринадцатый том содержит разделы о постподдержке участников после завершения инициации и о сертификации ведущих.

Помимо тринадцати основных томов, планируется выпуск дополнительных материалов, облегчающих практическую работу. В первую очередь это рабочие тетради для участников инициации, содержащие дневниковые задания, бланки для рисунков, чек-листы самонаблюдения и краткие памятки к каждому подвигу. Рабочая тетрадь может использоваться как в групповом формате (под руководством ведущего), так и при самостоятельном или домашнем прохождении. Также планируется издание аудиOVERсий ведомых медитаций для каждого подвига, записанных профессиональным голосом с музыкальным сопровождением. Наконец, в электронном виде будут доступны печатные материалы: карточки для игр, бланки проективных методик, шаблоны сертификатов и дипломов.

Важно понимать, что тринадцать томов не обязательно прочитывать и осваивать последовательно, от корки до корки, если читатель не является профессиональным ведущим. Психолог, планирующий проводить полную двенадцатидневную инициацию, должен изучить все тома от первого до тринадцатого, причём с обязательным выполнением всех практик на себе. Отец, работающий с сыном индивидуально, может ограничиться первым томом и выборочными томами по тем подвигам, которые актуальны для его ребёнка в данный момент. Самостоятельный читатель, проходящий инициацию в одиночку, может начать с первого тома, затем последовательно осваивать тома со второго по двенадцатый, пропуская разделы, требующие напарника, и тринадцатый том использовать как ориентир для самостоятельного итогового ритуала.

Все тринадцать томов объединены сквозной нумерацией глав и параграфов, что позволяет легко сослаться из одного тома на другой. Например, в томе втором («Немейский лев») может быть ссылка: «подробнее о психологии гнева см. Том 2, Раздел 2, Глава 3» — но поскольку это и есть Том 2, ссылка идёт внутри тома. А в томе третьем («Лернейская гидра») может быть ссылка: «о трансформации разрушительных импульсов см. Том 2, Глава 2». Такая система навигации позволяет читателю не держать в голове всю структуру многотомника, а легко перемещаться между томами при необходимости углубиться в тему. В конце каждого тома приведён полный указатель всех томов с аннотациями.

Авторы многотомника исходили из принципа, что структура должна быть максимально прозрачной и предсказуемой, чтобы читатель любой категории мог быстро найти нужную информацию. Поэтому, открыв любой том со второго по двенадцатый, читатель сразу понимает, где находится текст мифа, где символический разбор, где практики, а где сценарий квеста. Это особенно важно для практикующих психологов и отцов-наставников, которые могут использовать многотомник в режиме «быстрого доступа» во время проведения занятия.

Тринадцатый том выделяется не только содержательно, но и объёмом, поскольку он включает не только описание итогового ритуала, но и обобщённые результаты многолетней работы над методикой. В нём представлены типовые протоколы проведения инициации для разных возрастных групп (12—14 лет, 15—17 лет, 18—25 лет, 26—40 лет), адаптированные с учётом возрастных задач развития. Также в тринадцатом томе приведены примеры группо-

вых динамик, частых ошибок ведущих и способов их коррекции. Для удобства использования тринадцатый том содержит детальный предметный указатель по всем двенадцати предыдущим томам, позволяющий быстро найти упражнение или технику по ключевому слову (например, «стыд», «гнев», «зависимость», «страх смерти»). Таким образом, тринадцатый том выполняет функцию не только итогового, но и справочного.

Для профессионалов — психологов, психотерапевтов, педагогов и социальных работников, — планирующих использовать многотомник в своей практике, рекомендуется последовательное прочтение всех тринадцати томов с обязательным выполнением всех практик на себе. Это не формальное требование, а условие безопасности: ведущий, не прошедший собственных трансформационных процессов, не сможет сопровождать других в их глубинах, а в худшем случае может навредить участникам своими непроработанными проекциями. Как писал Карл Густав Юнг, «...психотерапевт должен быть проработан сам, иначе он будет лечить пациента своими невротами»⁸ (С. 82). Поэтому профессионалу необходимо начать с первого тома, затем последовательно пройти все двенадцать подвигов в формате самостоятельной или групповой работы, и только потом приступать к ведению собственных групп.

После того как профессионал прошёл полный цикл инициации на себе, он может выбрать формат работы в зависимости от запроса своих клиентов или группы. Для работы с подростковой группой в формате интенсивного лагеря (5—7 дней) рекомендуется использовать тома со второго по двенадцатый в компактной версии, а тринадцатый том даст готовое расписание и чек-листы. Для работы с индивидуальным клиентом можно использовать выборочные тома в соответствии с актуальной проблемой: например, при работе с мужской депрессией и алекситимией — десятый том («Пояс Ипполиты: эмоциональная саморегуляция»).

Важно, чтобы профессионал не смешивал роль ведущего и роль участника в одной группе: если он проходит тот или иной подвиг вместе с группой, он должен делать это не как ведущий, а как равный участник, с приглашённым супервизором. Иначе возникает конфликт ролей, при котором ведущий не может одновременно отслеживать групповую динамику и погружаться в свой процесс.

Для отцов и наставников, работающих с одним или несколькими мальчиками индивидуально, оптимальная стратегия — изучение первого тома плюс выборочные тома по тем подвигам, которые актуальны для конкретного ребёнка. Первый том даёт понимание того, что такое инициация, почему она необходима и какова общая логика пути. Затем отец определяет, какая проблема стоит перед его сыном: неконтролируемый гнев, зависимость от гаджетов, неспособность постоять за себя, страхи, эгоистичное поведение, отсутствие цели в жизни. В зависимости от этого выбирается соответствующий том: второй («Немейский лев») для работы с гневом, шестой («Эриманфский вепрь») для работы с зависимостями, девятый («Кони Диомеда») для выхода из роли жертвы, и так далее. Каждый том содержит отдельную главу с инструкцией для отца или наставника, где подробно описано, как подготовиться к квесту, как выстроить разговор и как поддержать ребёнка после прохождения.

Важное дополнение для отцов: не обязательно проходить полный цикл из двенадцати томов последовательно, но в долгосрочной перспективе это желательно, так как каждый последующий подвиг опирается на навыки, сформированные на предыдущих этапах. Например, невозможно успешно пройти «Пояс Ипполиты» (эмоциональная саморегуляция), если не

⁸ Юнг К. Г. Практика психотерапии / пер. с нем. А. М. Руткевича. — Москва: АСТ, 2020. — 336 с.

пройден «Немейский лев» (укрощение гнева), и невозможно пройти «Стадо Гериона» (управление множественными аспектами личности) без предшествующей работы над собой. Поэтому отец может начать с наиболее актуального для сына подвига, а затем, по мере взросления мальчика, возвращаться к предыдущим томам, чтобы заполнить пробелы. Хорошая практика — проходить один подвиг в месяц, растягивая весь цикл на год-полтора, чтобы у ребёнка было время на интеграцию каждого этапа.

Для самостоятельной работы мужчин, не имеющих доступа к психологу или наставнику, но чувствующих потребность в структурированном пути взросления, рекомендуется начинать с первого тома, а затем использовать рабочие тетради, которые будут выпущены отдельным изданием. Рабочие тетради содержат адаптированные для индивидуального прохождения версии медитаций (в текстовом формате), дневниковые задания, бланки для рисунков и чек-листы самонаблюдения. В отличие от основного многотомника, который ориентирован на ведущих и содержит инструкции для групповой работы, рабочие тетради написаны от второго лица («ты») и предполагают, что читатель проходит путь самостоятельно.

Однако, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, самостоятельная работа имеет ограничения: некоторые упражнения требуют наличия партнёра (например, упражнения на доверие или телесные практики), а при актуализации болезненных переживаний может потребоваться помощь психолога.

Поэтому для самостоятельной работы мы рекомендуем дополнительное условие: наличие хотя бы одного «свидетеля» — друга, брата, отца или просто доверенного человека, которому можно рассказывать о процессе и с которым можно обсудить сложные моменты. Даже если этот свидетель не является профессиональным психологом и не ведёт квест, его присутствие и готовность слушать создают необходимый контейнер для переживаний, возникающих в процессе инициации. Кроме того, самостоятельный читатель может использовать формат онлайн-сообщества: на форуме, посвящённом данному многотомнику (адрес указан в тринадцатом томе), можно найти напарника для выполнения парных упражнений или просто получить поддержку. Форум также является площадкой для вопросов авторам, на которые мы постараемся отвечать.

Для всех трёх категорий читателей важно понимать, что многотомник не является линейной инструкцией, которую нужно выполнять механически, шаг за шагом, без включения собственной рефлексии. Это карта, а не автопилот, и читатель в любой момент может свернуть с предложенного маршрута, если чувствует, что это необходимо для его развития. Однако отклонения от маршрута должны быть осознанными: прежде чем пропустить какой-либо том или упражнение, стоит задать себе вопрос «почему я это пропускаю?» — возможно, ответом будет страх или сопротивление, которые как раз и являются материалом для работы. Поэтому мы рекомендуем читателям всех категорий вести дневник работы с многотомником, фиксируя не только выполненные упражнения, но и возникающие чувства, мысли, сомнения и инсайты.

Особый формат использования многотомника — парная работа двух мужчин (друзей, братьев, отца и взрослого сына), которые проходят инициацию одновременно, поддерживая друг друга. В этом случае каждый из них может выступать попеременно то в роли «Геракла» (того, кто проходит испытание), то в роли «Июлая» (помощника, который поддерживает и подстраховывает). Парный формат снимает многие ограничения самостоятельной работы, позволяет выполнять телесные упражнения, требующие присутствия другого, и создаёт дополнительную мотивацию не бросать процесс на полпути. Более того, наблюдение

за тем, как другой человек проходит те же испытания, даёт мощный материал для рефлексии и помогает увидеть свои собственные защиты и сопротивления, которые в одиночку можно не заметить.

Для тех, кто планирует использовать многотомник в формате семейной инициации (отец и сын-подросток), мы предлагаем дополнительный протокол, описанный в тринадцатом томе. В этом протоколе отец выступает одновременно в двух ролях: как наставник (тот, кто создаёт условия для прохождения) и как свидетель (тот, кто находится рядом, но не мешает сыну встречаться со своим собственным опытом). Ключевое правило семейной инициации: отец не должен «проходить подвиг вместо сына» или давать готовые ответы. Его задача — обеспечить безопасность, задавать вопросы («что ты сейчас чувствуешь?», «что ты выбираешь?») и после прохождения обсудить с сыном то, что произошло. Ни в коем случае нельзя оценивать, критиковать или стыдить ребёнка за его способ прохождения — инициация не имеет правильных или неправильных ответов, есть только личный опыт каждого.

Помимо трёх основных форматов (профессиональный, наставнический, самостоятельный), многотомник может быть использован в смешанных форматах. Например, психолог может проводить групповую инициацию для отцов и сыновей одновременно, используя тома со второго по двенадцатый как основу для параллельных процессов: отцы проходят свои собственные трансформации, сыновья — свои, а затем они встречаются для общего обсуждения. Или школьный педагог может использовать отдельные упражнения из томов (например, «Колесо баланса» из пятого тома или игру «Кто хозяин?» из второго) на уроках психологии или в рамках внеклассной работы. Такое точечное использование многотомника возможно без прохождения всего цикла, но с обязательным предварительным ознакомлением с первым томом для понимания контекста.

Важное предупреждение для всех категорий читателей: нельзя использовать многотомник как инструмент манипуляции или принуждения. Инициация — это добровольный процесс, и участник должен иметь право отказаться от прохождения любого испытания или прервать участие в любой момент без объяснения причин (правило стоп-слова описано в тринадцатом томе). Отец не имеет права заставлять сына проходить квест «для его же блага» — это будет не инициацией, а насилием, которое приведёт к обратному эффекту. Психолог не имеет права включать упражнения из многотомника в программу, не получив информированного согласия участников и не проведя психологический скрининг. Самостоятельный читатель имеет право пропустить любое упражнение, если чувствует, что оно для него слишком болезненно или неподъёмно в данный момент — лучше вернуться к нему позже, чем травмировать себя.

Наконец, мы рекомендуем всем читателям, независимо от категории, начинать знакомство с многотомником не с первого тома, а с оглавления и предметного указателя, которые есть в конце каждого тома. Это позволит быстро оценить масштаб работы и выбрать ту точку входа, которая наиболее актуальна в данный момент. Затем стоит прочитать заключение первого тома (где кратко изложены основные тезисы) и только после этого возвращаться к началу для последовательного чтения. Для профессиональных ведущих такой порядок не подходит — они обязаны прочитать все тома последовательно и выполнить практики на себе, но для остальных категорий допустимы любые траектории, ведущие к целостному пониманию пути Геракла.

Авторы настоящего многотомника выражают глубокую признательность исследователям, без трудов которых само создание этой работы было бы невозможным.

В первую очередь это Арнольд ван Геннеп, чья трёхчастная структура инициации (сепарация — лиминальность — инкорпорация) стала методологическим фундаментом для понимания обрядов перехода в любой культуре⁹.

Это Мирча Элиаде, чьи работы о символической смерти и воскресении, о тайных обществах и инициатических ритуалах до сих пор остаются непревзойдёнными по глубине проникновения в архетипическую природу посвящения¹⁰.

Это Карл Густав Юнг, чьи концепции индивидуации, тени, анимы и самости дали ключ к психологической интерпретации инициационных испытаний как внутреннего пути героя¹¹.

Это Джозеф Кэмпбелл, проследивший единую структуру «пути героя» в мифах всех культур мира и показавший, что каждый человек в своём развитии проходит через те же архетипические этапы¹².

Наконец, это Роберт Блай, чья книга «Железный Джон» стала манифестом современного мужского движения и вдохновила многих из нас на практическую работу с мужской инициацией¹³.

Помимо зарубежных классиков, мы опираемся на труды отечественных психологов, работающих в области кризисной психологии, травматерапии и возрастной психологии мужчины.

Это работы А. Б. Холмогоровой и Н. Г. Гаранян по психологии травмы и посттравматического стрессового расстройства, которые помогли нам осмыслить, как непройденная инициация может становиться источником хронической травматизации¹⁴.

Это исследования Ф. Е. Василюка по психологии переживания и кризисным состояниям, в которых он описывает внутреннюю структуру «смерти» и «рождения» личности в критических ситуациях.

Это также современные работы по мужской психологии, выполненные на стыке эволюционной психологии, нейробиологии и культурной антропологии, чьи авторы перечислены в библиографии к каждому тому. Мы благодарны всем этим исследователям за их труд, который создал интеллектуальный контекст для нашей практической работы.

Особая благодарность выражается участникам полевых испытаний методики, которые на протяжении нескольких лет помогали нам оттачивать упражнения, сценарии квестов и тексты медитаций. Испытания проводились на базах нескольких детско-юношеских лагерей, психологических центров и мужских сообществ, в которых приняли участие более двухсот мужчин и подростков в возрасте от двенадцати до сорока пяти лет. Их честная обратная связь, отказы, сомнения, гнев, слёзы и радость стали тем материалом, который превратил теоретическую конструкцию в живую, работающую методику. Мы благодарим всех, кто рискнул пойти по пути Геракла, и особенно тех, кто столкнулся с трудностями и не побоялся сказать нам об этом. Благодаря их мужеству мы смогли доработать протоколы безопасности, уточнить инструкции для ведущих и добавить в рабочие тетради разделы, которых изначально не было.

⁹ ван Геннеп А. Обряды перехода. — Москва: Восточная литература, 2002. — 198 с.

¹⁰ Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

¹¹ (Юнг К. Г. Архетип и символ / пер. с нем. А. М. Руткевича. — Москва: Канон, 2019. — 336 с.

¹² Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. — Москва: АСТ, 2018. — 416 с.

¹³ Блай Р. Железный Джон. — Москва: Касталия, 2015. — 304 с.

¹⁴ Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Психология травмы и посттравматического стресса. — Москва: Издательство Московского психолого-социального университета, 2019. — 416 с.

Полевые испытания также показали, что методика эффективна не только для подростков и молодых мужчин, но и для взрослых мужчин старше тридцати лет, которые, формально являясь зрелыми, внутри остаются «непрошедшими инициацию». В процессе прохождения двенадцати подвигов у таких участников наблюдалось значительное снижение уровня тревоги, депрессивных симптомов и психосоматических проявлений, а также рост способности к принятию ответственности и долгосрочному планированию. Однако мы подчёркиваем, что эти наблюдения носят характер клинического опыта, а не строгого научного исследования с контрольными группами и валидизированными методами измерения. Дальнейшее изучение эффективности методики — задача будущего, и мы приглашаем профессиональное сообщество к участию в таких исследованиях.

Методологической основой многотомника является также принцип «действие прежде веры», унаследованный от традиционных инициационных практик. В архаических культурах мальчик не получал теоретического объяснения того, что с ним произойдёт, — он просто проходил испытание, и только потом старейшины раскрывали ему смысл пережитого. В нашем многотомнике сохранена эта логика: сначала идёт практика (квест, медитация, упражнение), а затем — обсуждение и интеграция. Теоретические разделы предназначены в первую очередь для ведущих и наставников, а участник инициации может вообще не читать первый том, а сразу приступить к выполнению упражнений под руководством опытного проводника. Это отличает наш подход от академических изданий, в которых теория предшествует практике и часто остаётся оторванной от неё.

Важным методологическим принципом является также отказ от патологизации естественных мужских проявлений — агрессии, сексуальности, стремления к риску, конкурентности. В современной культуре эти проявления часто объявляются «токсичной маскулинностью» и подлежат искоренению, что приводит к ещё большему отчуждению мужчины от собственной природы. Мы исходим из того, что агрессия может быть не только разрушительной, но и защитной, творческой; стремление к риску — двигателем развития; конкурентность — источником роста. Задача инициации — не выжечь эти качества, а научить мужчину управлять ими, встраивать их в социально приемлемые и личностно созидательные формы. Как писал Блай, «...подлинная инициация не подавляет мужскую силу, а придаёт ей форму»¹⁵ (С. 67).

Ограничения методики, о которых необходимо предупредить читателя, связаны в первую очередь с противопоказаниями. Методика не предназначена для работы с лицами, страдающими острыми психотическими расстройствами (шизофрения, биполярное аффективное расстройство в стадии мании или депрессии, параноидные состояния). Также она не подходит для людей с тяжёлыми формами депрессии, сопровождающимися суицидальными намерениями и психомоторной заторможенностью, — таким пациентам необходима сначала медикаментозная терапия и стабилизация состояния.

Методика не рекомендуется лицам с выраженными личностными расстройствами в стадии декомпенсации (особенно пограничное расстройство личности с частыми эпизодами самоповреждения) без одновременного сопровождения квалифицированным психотерапевтом. Перед началом участия в инициационной программе обязателен психологический скрининг, который может провести клинический психолог или психиатр.

¹⁵ Блай Р. Железный Джон. — Москва: Касталия, 2015. — 304 с.

Другое важное ограничение касается возрастных рамок. Методика не предназначена для детей младше двенадцати лет, так как в этом возрасте психологические механизмы, необходимые для прохождения инициации (способность к рефлексии, абстрактному мышлению, отсрочке удовольствия, принятию ответственности), ещё не сформированы в достаточной степени. Попытка провести инициацию с ребёнком младшего возраста может привести не к взрослению, а к травматизации, так как психика ребёнка не готова к переживанию символической смерти и рождения.

Для детей 7—11 лет существуют другие, более мягкие формы обрядов перехода (например, «посвящение в школьники» или «посвящение в разведчики»), но они не требуют такой глубины погружения, как предлагаемая нами методика. Для подростков 12—14 лет рекомендуется сокращённая версия квестов с пониженной интенсивностью, а для юношей 15—17 лет — полная версия.

Третье ограничение касается формата проведения: методика не может быть проведена дистанционно в полностью синхронном онлайн-формате без присутствия живого ведущего. Некоторые упражнения (телесные практики, квесты с физическим перемещением в пространстве, групповая динамика) требуют совместного нахождения участников в одном помещении или на одной территории. Исключение составляют ведомые медитации (тексты которых приведены в каждом томе) — их можно записать на аудио и дать участнику для самостоятельного прослушивания.

Однако даже в этом случае желательно, чтобы после медитации была возможность обсуждения с ведущим или с группой. Мы не рекомендуем полностью переводить инициационный процесс в дистанционный формат, так как это лишает участника важнейшего компонента — телесного присутствия другого человека, который является свидетелем и контейнером для его переживаний.

Наконец, мы должны признать, что предлагаемая методика не является единственно возможной или универсальной для всех мужчин и всех культур. Она создана в контексте современной российской и западной культуры, и её перенос на другие культурные почвы (например, на традиционные общества с другими инициационными системами) требует осторожности и адаптации. Мы не претендуем на создание «правильной» инициации — мы предлагаем одну из возможных рабочих моделей, основанную на мифе о Геракле, который является частью общеевропейского культурного наследия. Читатель вправе критиковать, дополнять, видоизменять предлагаемые практики — главное, чтобы эти изменения не нарушали принципов добровольности, безопасности и уважения к участнику. Мы будем благодарны за любую обратную связь, которая поможет улучшить последующие издания многотомника.

Инициация как научная категория

Глава 1. Определение и структура инициации

Прежде чем перейти к анализу конкретных инициационных практик и тем более к практическому руководству по их проведению, необходимо ответить на самый главный вопрос: что такое инициация вообще и почему её нельзя заменить ни воспитанием, ни обучением, ни социализацией. Современная психология и педагогика часто используют слово «инициация» как модный термин, вкладывая в него разное содержание — от первого сексуального опыта до получения водительских прав, что размывает само понятие и лишает его объяснительной силы.

Для того чтобы наш многотомник был не просто сборником красивых метафор, а работающим инструментом мужской инициации, мы должны чётко определить, что именно мы имеем в виду, когда говорим о посвящении. Без этого определения любой квест, любая медитация, любой ритуал останутся просто играми, не ведущими к глубинной трансформации личности. Поэтому данная глава посвящена строгому научному определению инициации, её этимологии, структуре и отличиям от смежных понятий.

История изучения инициации насчитывает уже более ста лет, и за это время сложилась вполне определённая научная традиция, на которую мы будем опираться. Антропологи, этнографы, религиоведы и психологи внесли свой вклад в понимание того, что происходит с человеком в момент перехода от одного статуса к другому. Ключевыми фигурами здесь являются Арнольд ван Геннеп, впервые описавший трёхчастную структуру обрядов перехода, и Мирча Элиаде, показавший универсальность символической смерти и воскресения в инициациях всех культур.

Психоаналитическая традиция, от Фрейда до Юнга, добавила к этому пониманию внутренней динамики — того, что происходит в психике посвящаемого. Однако ни одна из этих традиций не даёт готового рецепта для проведения мужской инициации в условиях современного постиндустриального общества, где нет ни племени, ни старейшин, ни священных рощ. Наша задача — не просто пересказать классиков, а извлечь из их трудов операциональные принципы, которые можно положить в основу практической работы.

Особенно важно с самого начала развести понятия «инициация», «социализация», «обучение» и «воспитание», которые в быденном языке часто используются как синонимы. Социализация — это процесс усвоения норм и правил общества, который длится всю жизнь и не предполагает резких, катастрофических переходов. Обучение передаёт знания, навыки, компетенции — но не меняет онтологического статуса человека, не делает его «другим» по сравнению с тем, кем он был вчера. Воспитание формирует ценностные ориентации, но тоже происходит постепенно, через повторение и подкрепление, а не через кризис и перерождение. Инициация же, в отличие от всех этих процессов, всегда дискретна, всегда событийна, всегда связана с переживанием смерти старого и рождения нового. Без этого переживания — а переживание это всегда связано со страхом, болью, риском и неопределённостью — никакая инициация не состоялась, как бы красиво ни были упакованы ритуальные действия.

Не менее важно с самого начала разделить возрастную инициацию (обязательную для всех членов племени по достижении определённого возраста) и инициацию инициативную,

спонтанную, которую человек проходит по внутреннему зову, даже если общество не требует от него этого перехода. Традиционные общества знали в основном первый тип: мальчик в двенадцать-четырнадцать лет не мог избежать посвящения, иначе он навсегда оставался ребёнком, изгоем, не имеющим права жениться, владеть оружием или участвовать в совете старейшин.

Современный мир знает в основном второй тип: мужчина сам должен почувствовать потребность в изменении, сам найти наставника или ритуал, сам пройти через испытание, потому что общество не предъявляет ему формальных требований к переходу. Это и есть главная причина кризиса, описанного в предисловии: без внешнего давления и без внутреннего понимания, что именно нужно сделать, молодой человек застревает в «детско-взрослом» состоянии. Наш многотомник предлагает структуру, которая может работать и как возрастная инициатива (для организованных групп подростков), и как инициативная (для взрослых мужчин, добровольно приходящих к психологу или наставнику).

Непройденная инициация является главной причиной инфантильности современного мужчины. Это не моральное суждение и не политическое заявление — это клинический факт, подтверждённый многолетними наблюдениями психологов, психотерапевтов и психиатров. Мужчина, не переживший символической смерти «мальчика» и рождения «мужчины», навсегда остаётся в пограничном состоянии.

Он может быть успешным, богатым, иметь семью и детей, но внутри него живёт растерянный, испуганный ребёнок, который не знает, как быть, когда рушатся внешние опоры. Именно этот внутренний ребёнок заставляет его спасаться алкоголем, агрессией, уходом в виртуальную реальность или, в худшем случае, суицидом. Вот почему восстановление института мужской инициации становится сегодня не просто педагогической или психологической задачей, а задачей выживания мужской цивилизации.

1.1. Этимология термина «initiatio»

Латинское слово «initiatio» происходит от глагола «initiare», что означает «начинать», «посвящать», «вводить в таинство». В Древнем Риме этот термин использовался прежде всего в религиозном контексте — для обозначения вступления в мистерии, где неофит переживал символическую смерть и последующее воскресение. Этимологически «initiatio» родственно слову «initium» — «начало», но не простое начало, а начало новой жизни, ради которого старая жизнь должна быть завершена и оставлена позади. Уже в самом корне слова заложена идея радикального разрыва с прошлым и перехода в новое качество, которое невозможно достичь постепенным накоплением знаний или навыков. Как отмечал Мирча Элиаде, «...инициация глубоко меняет онтологический статус посвящаемого, превращая его из смертного в того, кто приобщился к бессмертию»¹⁶ (С. 28). Это отличие от всех форм постепенного изменения заложено в самой этимологии термина.

В отличие от инициации, социализация представляет собой процесс усвоения индивидом норм, ценностей и правил поведения, принятых в данном обществе. Социализация начинается с рождения и продолжается до самой смерти, она не предполагает резких перерывов или кризисов, хотя отдельные её этапы могут быть связаны с возрастными кризисами. Человек социализируется, когда учится пользоваться столовыми приборами, когда осваивает школьные

¹⁶ Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

правила, когда встраивается в рабочий коллектив — но ни один из этих актов не требует от него переживания собственной смерти и рождения заново.

Социализация может быть успешной или неуспешной, но она никогда не ставит под вопрос сам факт существования человека как личности. Как писал Питер Бергер, «...социализация — это пожизненное вхождение в общество, а инициация — это одноразовое вхождение в сакральное»¹⁷ (С. 45). Именно эта «одноразовость» и делает инициацию столь мощным, но и столь рискованным инструментом трансформации.

Обучение, в отличие от инициации, имеет своей целью передачу знаний, умений и навыков от учителя к ученику. Учитель может быть строгим или мягким, обучение может быть мучительным или радостным, но в любом случае оно сохраняет непрерывность личности ученика — тот, кто учится, остаётся самим собой, просто приобретая новые компетенции. Даже самое интенсивное обучение (например, в военном училище или медицинской ординатуре) не требует от ученика символической смерти и не предполагает ритуала перехода, где старый человек умирает, а новый рождается.

Конечно, обучение может менять человека, иногда очень глубоко, но это изменение происходит через накопление и интеграцию нового опыта, а не через катастрофический разрыв с прошлым. Как отмечал Лев Выготский, «...обучение ведёт за собой развитие, но не отменяет кризисов перехода»¹⁸ (С. 78). Инициация же как раз и является формой институционализации таких кризисов, придания им культурно приемлемой формы.

Воспитание стоит ещё дальше от инициации, поскольку оно направлено на формирование характера, ценностных ориентаций и привычек поведения, но делает это, как правило, через постепенное приучение и объяснение. Родители воспитывают ребёнка годами, учителя воспитывают учеников в течение всего срока обучения, и даже в армии воспитательный процесс длится не один месяц. Воспитание может использовать наказания и поощрения, но оно крайне редко прибегает к ритуальной смерти и воскресению как педагогическому приёму — разве что в тоталитарных сектах, где воспитание подменяется псевдоинициацией.

Более того, воспитание предполагает сохранение базовой идентичности: воспитанный человек остаётся тем же человеком, просто приобретая новые качества, тогда как инициированный человек перестаёт быть тем, кем был, и становится кем-то другим. Как писал Карл Густав Юнг, «...воспитание формирует личность, инициация её переплавляет»¹⁹ (С. 112). Именно «переплавка» — метафора уничтожения старой формы и создания новой — является ключевой для понимания инициации.

Отличие инициации от социализации, обучения и воспитания можно выразить через противопоставление «количественное vs качественное» изменение. Социализация, обучение и воспитание добавляют человеку новые элементы, не разрушая старых, — это количественные изменения, хотя и очень значительные. Инициация же предполагает качественный скачок, при котором старые элементы не просто дополняются новыми, а уничтожаются и заменяются другими, часто противоположными.

¹⁷ Бергер П. Л. Приглашение в социологию / пер. с англ. А. А. Малиновского. — Москва: Аспект Пресс, 2017. — 168 с.

¹⁸ Бергер П. Л. Приглашение в социологию / пер. с англ. А. А. Малиновского. — Москва: Аспект Пресс, 2017. — 168 с.

¹⁹ Юнг К. Г. Архетип и символ. — Москва: Канон, 2019. — 336 с.

Ребёнок, прошедший инициацию, перестаёт быть ребёнком — не в том смысле, что он выучил уроки или научился себя вести, а в том смысле, что он больше не может вернуться в детское состояние, даже если захочет. Как писал Арнольд ван Геннеп, «...обряды перехода отделяют неофита от прежнего мира так надёжно, что обратный путь возможен только через смерть»²⁰ (С. 23). Именно эта необратимость отличает подлинную инициацию от всех форм постепенного взросления.

Этимологически важным является также связь инициации с понятием «сакрального», то есть священного, противопоставленного профанному (мирскому, обыденному). Любая подлинная инициация имеет религиозное или, как минимум, духовное измерение — она вводит человека в мир, где действуют иные законы, чем в повседневной жизни. Это не обязательно означает веру в богов или духов, но обязательно означает переживание того, что за пределами рационального объяснения.

Даже в современных светских инициациях (например, в армии или в закрытых мужских сообществах) присутствует элемент тайны, недоступной непосвящённым, и элемент благоговения перед тем, что выше обыденного. Как отмечал Рудольф Отто, «...священное — это переживание, которое одновременно притягивает и ужасает, и именно это переживание лежит в основе любого посвящения»²¹ (С. 56). Без этого переживания инициация превращается в пустую формальность, в игру, не меняющую человека.

В современной психологии и педагогике понятие инициации часто размывается, включая в себя любые более или менее значимые события жизни. Получение паспорта, окончание школы, первая работа, первая любовь, первый сексуальный опыт — всё это иногда называют инициацией, что лишает термин его специфического содержания. Такое расширительное использование понятия ведёт к двум негативным последствиям: с одной стороны, обесценивается само понятие (инициацией становится всё, а значит, ничто не является инициацией по-настоящему), с другой — стирается разница между подлинным посвящением и его суррогатами.

Как справедливо замечает один из исследователей, «...если называть инициацией любой переход, то мы не сможем объяснить, почему одни переходы делают человека взрослым, а другие — нет»²² (С. 34). Поэтому для нашего многотомника принципиально важно сохранить узкое, строгое определение инициации как ритуализированного акта, включающего три обязательных элемента: изоляцию, ритуальную смерть и возрождение в новом качестве.

Первый обязательный элемент инициации — это отделение (сепарация) неофита от его прежнего социального окружения и от его прежней идентичности. Сепарация может быть физической (уход в лес, горы, специальное помещение) или символической (особая одежда, особое имя, особые правила поведения). Во время сепарации неофит перестаёт быть тем, кем он был, — он больше не ребёнок, но ещё не взрослый, он никто, пустое место, готовое к заполнению новым содержанием. Как писал ван Геннеп, «...сепарация — это отрезание пуповины, связывающей индивида с его прежним миром»²³ (С. 27). Без этого этапа любая инициация

²⁰ ван Геннеп А. Обряды перехода. — Москва: Восточная литература, 2002. — 198 с.

²¹ Отто Р. Священное / пер. с нем. А. М. Руткевича. — Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2018. — 320 с.

²² Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

²³ ван Геннеп А. Обряды перехода. — Москва: Восточная литература, 2002. — 198 с.

теряет свою силу, потому что человек не может стать другим, оставаясь в привычной среде с привычными ролями и ожиданиями.

Второй обязательный элемент — лиминальность (пограничное состояние), когда неофит находится «между» смертью старого и рождением нового. Лиминальность — самая важная и самая опасная фаза инициации, именно здесь происходят испытания, страдания, ритуальная боль, встреча с тенью и переживание собственной смерти. В этом состоянии человек уязвим, дезориентирован, лишён привычных опор, и именно эта уязвимость делает возможной глубокую трансформацию. Как писал Виктор Тёрнер, «...лиминальные существа не имеют статуса, собственности, отличительных знаков, положения в системе родства — они находятся на пороге, в скобках, в чистой возможности»²⁴ (С. 97). Именно эта «чистая возможность» позволяет человеку стать тем, кем он никогда не был раньше, и отказаться от того, кем он был.

Третий обязательный элемент — инкорпорация (возвращение), когда неофит, уже изменившийся, возвращается в общество в новом качестве и занимает новое место в социальной иерархии. Инкорпорация подтверждается ритуалами признания, приветствиями, дарами, новой одеждой или новым именем, которые символизируют принятие изменённого человека сообществом. Без этого этапа инициация остаётся незавершённой: человек изменился внутренне, но не получил внешнего подтверждения своей новой идентичности, что может привести к отчуждению и чувству «я не вписываюсь». Как отмечал Элиаде, «...инкорпорация — это момент, когда сакральное знание становится полезным в мире профанном, когда герой возвращается с дарами для своего племени»²⁵ (С. 45). Без возвращения и признания инициация становится травмой, а не трансформацией.

Из трёх описанных этапов в современном мире наиболее проблемными являются лиминальность и инкорпорация. Сепарацию (отделение) современное общество ещё как-то обеспечивает — например, через отправку в армию, в лагерь или в другой город для учёбы. Но лиминальность часто подменяется формальными испытаниями, не несущими психологической нагрузки смерти и возрождения, а инкорпорация часто отсутствует вовсе — молодой человек возвращается, но никто не признаёт его новым взрослым статусом.

Как справедливо замечают исследователи, «...современная инициация часто застревает на сепарации, проходит через деструктивную лиминальность (дедовщина, насилие) и не имеет инкорпорации, что ведёт к хронической травме»²⁶ (С. 98). Именно это наблюдение лежит в основе нашего подхода: восстанавливать все три этапа, но в форме, безопасной и психологически выверенной.

Теперь, имея чёткое определение инициации через три этапа, мы можем вернуться к отличию инициации от социализации, обучения и воспитания с более глубоких позиций. Социализация, обучение и воспитание работают в рамках «дополнения» — они добавляют человеку новые элементы, не требуя от него отказа от старых. Инициация же работает в рамках «замещения» — она требует сначала уничтожить старую идентичность, чтобы на её месте построить новую. Социализировать, обучить и воспитать можно ребёнка, не убивая в нём ребёнка, — и это нормальный, здоровый процесс. Но инициировать ребёнка во взрослого невозможно без

²⁴ Тёрнер В. Символ и ритуал / пер. с англ. В. А. Бейлиса. — Москва: Наука, 1983. — 277 с.

²⁵ Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

²⁶ Кинг Дж. А., Хикс Д. М. Мужчины без отцов. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. — 312 с.

того, чтобы ребёнок в нём перестал существовать, уступив место взрослому. Именно поэтому инициация всегда связана с риском, страхом и болью — это не баг в системе, а её фича (особенность), без которой трансформация невозможна.

Понимание этого отличия имеет огромное практическое значение для нашего многотомника. Если мы спутаем инициацию с обучением, мы начнём давать мужчинам лекции о том, как быть взрослым, — но это не сделает их взрослыми. Если мы спутаем инициацию с воспитанием, мы начнём воспитывать в них мужественность через наставления и порицания — но это не даст им переживания трансформации. Если мы спутаем инициацию с социализацией, мы организуем встречи с «успешными мужчинами» и экскурсии на предприятия — но подросток по-прежнему будет чувствовать себя ребёнком среди взрослых.

Только подлинная инициация, с её изоляцией, ритуальной смертью и возвращением, способна произвести то глубинное изменение, которое мы называем взрослением. Как писал Джозеф Кэмпбелл, «...герой покидает свой дом, пересекает порог, умирает и возрождается, и возвращается с даром — иначе это не путь героя, а просто прогулка»²⁷ (С. 34). Наш многотомник — это карта пути героя, а не путеводитель по прогулкам.

1.2. Трёхчастная структура по ван Геннепу

Французский этнограф Арнольд ван Геннеп совершил настоящую революцию в изучении обрядов перехода, когда в 1909 году опубликовал свою знаменитую работу «Обряды перехода». До него исследователи описывали отдельные ритуалы — рождение, инициацию, свадьбу, похороны — как независимые явления, не замечая их общей структурной логики.

Ван Геннеп первым показал, что все эти обряды имеют единую трёхчастную схему, которую он назвал «схемой перехода»: отделение (сепарация), пограничное состояние (лиминальность) и включение (инкорпорация). Как писал сам учёный, «...все обряды перехода имеют схему из трёх этапов, и эта схема универсальна для всех культур, во все времена»²⁸ (С. 15). Для нашего многотомника эта трёхчастная структура является не просто теоретической схемой, а прямым руководством к построению каждого квеста, каждого испытания, всей инициационной программы в целом.

Первый этап — сепарация, или отделение — заключается в том, что индивид выводится из прежнего места в социальной структуре и лишается статуса, который имел до этого. Сепарация может быть физической (человек покидает дом, семью, деревню, уходит в лес или специальное святилище) или символической (меняет одежду, имя, причёску, его изолируют от привычного общения). Важнейшая характеристика сепарации — её необратимость для времени ритуала: человек не может вернуться обратно, пока не пройдёт все этапы перехода.

В архаических культурах сепарация часто имитировала похищение: мальчика «крали» духи или старшие мужчины, и семья не знала, где он находится и что с ним происходит. Как отмечает современный исследователь, «...сепарация создаёт разрыв, в котором старые правила перестают действовать, а новые ещё не вступили в силу»²⁹ (С. 56). Без этого разрыва,

²⁷ Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. — Москва: АСТ, 2018. — 416 с.

²⁸ ван Геннеп А. Обряды перехода. — Москва: Восточная литература, 2002. — 198 с.

²⁹ Тёрнер В. Символ и ритуал / пер. с англ. В. А. Бейлиса. — Москва: Наука, 1983. — 277 с.

без ощущения «меня вырвали из привычной жизни», инициация теряет свою трансформационную силу.

Второй этап — лиминальность — является сердцем инициации, её самым важным и самым опасным моментом. Термин «лиминальность» происходит от латинского «*limen*» — порог, и означает состояние нахождения на пороге между двумя мирами, между двумя состояниями бытия. В лиминальной фазе человек уже не тот, кем был (например, ребёнок), но ещё не тот, кем станет (взрослый), — он никто, он «чистая доска», на которой может быть написано что угодно. Именно в этой фазе происходят испытания, которые могут включать физическую боль, лишения, унижения, встречу с дикими животными или духами, а также передачу сакральных знаний. Как писал ван Геннеп, «...лиминальная фаза — это время вне времени, место вне места, где обычные законы не действуют»³⁰ (С. 19). В этой пустоте, в этом хаосе и происходит рождение нового человека.

Третий этап — инкорпорация, или включение — возвращает человека в общество, но уже в новом качестве. Инкорпорация может включать торжественные церемонии, пиры, обряды приветствия, дарение подарков, присвоение нового имени, новую одежду и украшения. Важно, что инкорпорация признаётся не только самим неофитом, но и всем сообществом: старейшины подтверждают, что он теперь взрослый, может жениться, носить оружие, участвовать в советах. Без этого общественного признания инициация остаётся неполной, человек знает, что он изменился, но окружающие продолжают относиться к нему как к ребёнку. Как отмечал Элиаде, «...инкорпорация — это момент, когда сакральное знание становится полезным в мире профанном, когда неофит возвращается с дарами для своего племени»³¹ (С. 45). Именно этот этап наиболее часто выпадает из современных суррогатных инициаций, оставляя мужчину в зависшем состоянии.

Ван Геннеп показал, что трёхчастная структура применима не только к возрастным инициациям (посвящениям мальчиков и девочек), но и к любым ритуалам, связанным с изменением социального статуса. Свадьба — это переход из статуса холостого в статус женатого, и она включает сепарацию (уход из родительского дома), лиминальность (само свадебное торжество, где жених и невеста уже не холосты, но ещё не женаты) и инкорпорацию (первая брачная ночь, приём гостей, переезд в общий дом).

Похороны — переход из статуса живого в статус мёртвого, и они также включают сепарацию (отделение тела от мира живых), лиминальность (пребывание в гробу, отпевание) и инкорпорацию (захоронение, поминки, включение в мир предков). Как писал сам ван Геннеп, «...эта схема настолько универсальна, что её можно найти в любом обществе, на любом континенте, в любую историческую эпоху»³² (С. 27). Универсальность схемы говорит о том, что она соответствует глубинным структурам человеческой психики, а не является случайным культурным изобретением.

Для понимания мужской инициации особенно важна та часть вангеннеповской схемы, которая касается именно возрастных посвящений мальчиков. В большинстве архаических культур сепарация начиналась с того, что мальчиков забирали от матерей и женщин и уводили в специальное место (мужской дом, лес, горы). Там они подвергались испытаниям — часто

³⁰ ван Геннеп А. Обряды перехода. — Москва: Восточная литература, 2002. — 198 с.

³¹ Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

³² ван Геннеп А. Обряды перехода. — Москва: Восточная литература, 2002. — 198 с.

очень жёстким, включая обрезание, битьё, голод, холод, бессонницу, — которые символизировали уничтожение детского начала.

Лиминальная фаза могла длиться от нескольких недель до нескольких лет, в течение которых мальчики получали сакральные знания, которые не могла знать ни одна женщина. Инкорпорация происходила, когда они возвращались в деревню в новой одежде, с новыми именами, и их встречали как мужчин, имеющих право на оружие, жену и участие в советах. Как пишет исследователь, «...эта схема — не просто этнографический факт, а психологическая необходимость, ибо мужчина не может стать мужчиной, оставаясь с матерью»³³ (С. 56).

Современный мир предлагает мальчику сепарацию (отрыв от семьи — например, через школу или колледж), но не даёт ни настоящей лиминальности, ни инкорпорации. Школа отделяет ребёнка от семьи, но не создаёт порогового пространства, где мальчик мог бы пережить символическую смерть и возрождение. Армия могла бы быть таким пространством, но в современной российской армии, как мы уже отмечали, лиминальность часто подменяется дедовщиной — насилием, которое не ведёт к трансформации, а ведёт к травме.

Инкорпорация же отсутствует вовсе: молодой человек возвращается из армии или из колледжа, но общество не встречает его как взрослого мужчину — он по-прежнему «сын», «парень», «молодой человек». Как справедливо замечают исследователи, «...современная инициация часто имеет только первый этап, искажённый второй и отсутствующий третий»³⁴ (С. 67). Именно поэтому наш многотомник построен вокруг восстановления полной трёхчастной структуры в каждом из двенадцати подвигов и в общем инициационном цикле.

Каждый том нашего многотомника, посвящённый отдельному подвигу Геракла, также строится по трёхчастной схеме ван Геннепа. Сепарация происходит в начале квеста: участник покидает привычную среду (лагерь, класс, комнату) и отправляется в пространство испытания — лес, зал, специально подготовленную локацию.

Лиминальность — это сама сердцевина квеста: встреча с чудовищем (львом, гидрой, птицами), прохождение испытания, переживание страха, боли, усталости, неопределённости, — и именно в этой фазе происходит глубинная трансформация.

Инкорпорация — финальный ритуал: участник получает символ пройденного подвига (львиную шкуру, яблоко, пояс), его поздравляют наставники и товарищи, он занимает новое место в групповой иерархии. Как мы увидим в последующих томах, каждый квест буквально «прошит» этой трёхчастной структурой, что и отличает его от простой игры или спортивного состязания.

В полном двенадцатидневном инициационном цикле, описанном в тринадцатом томе, трёхчастная структура работает на нескольких уровнях одновременно.

На макроуровне: сепарация — отрыв участника от семьи и привычной жизни на время лагеря; лиминальность — сами двенадцать дней испытаний, когда он находится между детством и взрослостью; инкорпорация — итоговый ритуал, пир, возвращение домой с новым статусом.

На мезоуровне: каждый день начинается с сепарации (утренний круг, отделение от сна), проходит через лиминальность (дневное испытание) и завершается инкорпорацией (вечерний круг, рефлексия, поддержка).

³³ Блай Р. Железный Джон. — Москва: Касталия, 2015. — 304 с.

³⁴ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

На микроуровне: каждое упражнение внутри дня имеет своё начало, середину и конец, свою маленькую смерть и маленькое воскресение. Такое многоуровневое структурирование создаёт мощный трансформационный эффект, который невозможен при использовании отдельных упражнений без общего ритуального каркаса.

Важно понимать, что трёхчастная структура — это не жёсткая схема, которую нужно копировать механически, а скорее организующий принцип, который может проявляться в разных формах в зависимости от контекста.

В традиционных культурах сепарация могла длиться часы, лиминальность — годы, инкорпорация — мгновение. В нашем формате полевого лагеря сепарация занимает несколько часов (отъезд, расселение), лиминальность — пять-семь дней (сами испытания), инкорпорация — один вечер (итоговый ритуал).

В городском клубе, где встречи происходят раз в неделю на протяжении трёх месяцев, каждый отдельный день можно рассматривать как маленький цикл, а весь курс — как большой.

Как писал Виктор Тёрнер, «...схема ван Геннепа — это не рецепт, а язык, на котором можно описать любой ритуал перехода»³⁵ (С. 89). Наша задача — овладеть этим языком настолько, чтобы говорить на нём свободно, создавая инициации, соответствующие нуждам современных мужчин.

Критически важным для практической работы является понимание того, что лиминальная фаза должна содержать элемент реального риска, а не только символического. В традиционных инициациях мальчики рисковали жизнью, здоровьем, рассудком — и именно этот риск делал трансформацию подлинной. В современных условиях мы не можем и не должны подвергать участников смертельной опасности, но мы обязаны создать условия, где есть реальный вызов, реальное преодоление, реальная возможность провала. Как пишет один из исследователей, «...без риска нет инициации, есть только имитация»³⁶ (С. 112). Риск в нашем понимании — это не угроза жизни, а угроза эго: возможность показаться слабым, совершить ошибку, не справиться, почувствовать стыд и страх. Именно с этим риском участник встречается в каждом квесте, и именно это переживание запускает трансформацию.

Ещё одно важное уточнение касается роли сообщества в инкорпорации. В традиционных культурах инкорпорация была публичным актом: всё племя видело возвращение посвящённых и признавало их новый статус. В нашем формате эту функцию выполняет группа (даже если это маленькая группа из трёх-пяти человек) и наставник. Без свидетелей инициация становится внутренним событием, которое легко вытеснить или обесценить. Поэтому мы настаиваем на том, что даже в домашнем формате (отец и сын) должен быть хотя бы один свидетель — мать, старший брат, друг семьи, который увидит и подтвердит: «да, ты изменился». Как писал Джозеф Кэмпбелл, «...герой не может посвятить себя сам — посвящение всегда совершается другим»³⁷ (С. 78). Эта «дружность» взгляда, признание сообществом — неотъемлемая часть третьего этапа.

Подводя итог анализу трёхчастной структуры по ван Геннепу, мы можем сформулировать несколько ключевых принципов для нашего многотомника.

Первый: каждый подвиг, каждое испытание, каждый квест должен иметь чёткие начало (сепарацию), середину (лиминальность) и конец (инкорпорацию).

³⁵ Тёрнер В. Символ и ритуал. — Москва: Наука, 1983. — 277 с.

³⁶ Кинг Дж. А., Хикс Д. М. Мужчины без отцов. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. — 312 с.

³⁷ Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. — Москва: АСТ, 2018. — 416 с.

Второй: лиминальность должна содержать элемент реального риска для эго участника, иначе трансформация не произойдёт.

Третий: инкорпорация должна быть публичной, свидетели — обязательны.

Четвёртый: все три этапа должны быть прожиты телом, а не только поняты умом.

Пятый: схема не является догмой, но любое отклонение от неё должно быть осознанным и обоснованным.

Как писал сам ван Геннеп, «...схема — это инструмент, а не тюрьма, и мудрый проводник знает, когда её нарушить»³⁸ (С. 32). В следующих томах мы покажем, как именно эта схема воплощается в каждом из двенадцати подвигов Геракла, начиная с Немейского льва.

1.3. Обязательные элементы инициации

Если трёхчастная структура ван Геннепа описывает внешнюю форму обряда перехода, то внутреннее содержание этой формы раскрывается через четыре обязательных элемента, присутствующих в любой подлинной инициации. Эти элементы — изоляция, ритуальная смерть, испытание и возвращение — не просто сопровождают инициацию, а составляют её суть, без которой ритуал превращается в пустую формальность. Каждый из этих элементов имеет свой психологический смысл, свою функцию в трансформации личности и свои способы воплощения в современных условиях.

Как писал Мирча Элиаде, «...инициация есть не что иное, как последовательное переживание смерти и воскресения, и каждое из этих переживаний имеет свои техники и свой смысл»³⁹ (С. 34). В этом параграфе мы подробно разберём каждый из четырёх элементов, чтобы затем в практических томах показать, как они реализуются в квестах двенадцати подвигов.

Изоляция — первый и самый очевидный элемент инициации, соответствующий фазе сепарации в схеме ван Геннепа. Изоляция может быть физической (уход в лес, горы, пустыню, специальное помещение), социальной (запрет на общение с непосвящёнными, особенно с женщинами и детьми) или психологической (состояние «ни здесь, ни там», когда человек не принадлежит ни к миру детей, ни к миру взрослых). В традиционных культурах изоляция часто длилась недели и месяцы, причём неопита не просто уводили в лес, но и создавали условия, в которых он чувствовал себя полностью оторванным от привычной жизни.

Как отмечает исследователь, «...изоляция нужна не для того, чтобы мучить неопита, а для того, чтобы разрушить его старые привязанности и зависимости, без чего новое не может родиться»⁴⁰ (С. 45). Без изоляции человек продолжает цепляться за старую идентичность, и трансформация не достигает глубины, необходимой для подлинного перехода.

Психологический смысл изоляции заключается в создании условий для регрессии — временного возврата к более ранним, менее структурированным состояниям психики. Когда человек лишён привычных опор (дома, семьи, работы, интернета, развлечений), его психика теряет стабильность и становится податливой к новым впечатлениям и переживаниям. Именно в этом состоянии, которое психологи называют «регрессией под надзором», возможна глубинная перестройка личности, недоступная в обычном, стабильном состоянии.

³⁸ ван Геннеп А. Обряды перехода. — Москва: Восточная литература, 2002. — 198 с.

³⁹ Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

⁴⁰ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

Как писал Карл Густав Юнг, «...регрессия — это не возврат к инфантильности, а спуск к источнику, из которого может родиться новое»⁴¹ (С. 134). Изоляция в инициации — это контролируемая регрессия, где человек временно становится «меньше», чтобы потом родиться «больше». В современном мире, где изоляция часто используется как наказание (карцер, домашний арест), важно отличать травматическую изоляцию от инициатической, где изоляция — это дар, а не наказание.

Ритуальная смерть — второй и самый сложный для понимания элемент инициации, вокруг которого возникает больше всего мифов и непонимания. Ритуальная смерть не означает буквального умерщвления плоти — это символическая смерть старой идентичности, старого «Я», которое больше не соответствует новому статусу. В традиционных инициациях ритуальная смерть могла изображаться через обрезание (умирает часть тела), через закапывание в землю, через имитацию погребения или через нанесение шрамов и татуировок, символизирующих раны смерти. Как писал Элиаде, «...неофит символически умирает для своей прежней жизни, и пока он мёртв, духи или старейшины пересоздают его заново»⁴² (С. 56). Без переживания этой смерти инициация становится не трансформацией, а простым обучением — человек остаётся прежним, просто узнаёт что-то новое.

Психологический смысл ритуальной смерти — это отказ от защит и нарциссических привязанностей, которые мешают взрослению. Каждый человек имеет представление о себе: «я умный», «я сильный», «я хороший», «я слабый», «я неудачник» — независимо от содержания, это представление является защитой, скорлупой, которая не пускает новый опыт. Ритуальная смерть — это снятие этой скорлупы, временное переживание себя «ничем», пустотой, чистым листом, на котором можно написать что угодно. Как писал Карл Роджерс, «...личностный рост невозможен без переживания того, что ты — не то, чем казался себе»⁴³ (С. 89). Это переживание — больно и страшно, но именно оно открывает возможность для подлинных изменений.

Испытание — третий элемент инициации, тесно связанный с ритуальной смертью, но имеющий свою специфику. Если смерть — это пассивное переживание умирания, то испытание — это активное действие, в котором неофит должен доказать, что он достоин новой жизни. Испытания могут быть физическими (бег, борьба, охота, перенесение боли), психологическими (преодоление страха, стыда, отвращения) или социальными (демонстрация верности, солидарности, подчинения старшим). В традиционных культурах испытания часто были жестокими: обрезание, выбивание зубов, подвешивание на крючьях, прохождение через строй бьющих палками. Как отмечает исследователь, «...испытание нужно для того, чтобы неофит на собственном опыте узнал, что он может вынести больше, чем думал, и что его тело и дух подчиняются его воле»⁴⁴ (С. 78). Без испытания смерть остаётся просто травмой — человек умер, но не возродился, потому что не совершил подвига.

Психологический смысл испытания — это формирование самоэффективности и устойчивости к стрессу через опыт преодоления. Когда человек сталкивается с трудностью и преодолевает её, его мозг получает сигнал: «я могу справляться с трудностями, я сильный, я способен действовать в критических ситуациях». Этот опыт невозможно получить через разговоры

⁴¹ Юнг К. Г. Архетип и символ. — Москва: Канон, 2019. — 336 с.

⁴² Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

⁴³ Роджерс К. Становление личности / пер. с англ. В. А. Савина. — Москва: Эксмо, 2019. — 352 с.

⁴⁴ Кинг Дж. А., Хикс Д. М. Мужчины без отцов. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. — 312 с.

или чтение книг — только через реальное действие в условиях реального риска. Как писал Альберт Бандура, «...самоэффективность формируется прежде всего через опыт успешного выполнения сложных задач, а не через убеждение или поддержку»⁴⁵ (С. 67). Поэтому в каждом из двенадцати подвигов нашего многотомника предусмотрено реальное физическое и психологическое испытание, а не просто «поговорили и порисовали».

Возвращение — четвёртый элемент инициации, без которого все предыдущие теряют смысл. Возвращение соответствует фазе инкорпорации у ван Геннепа, но имеет более глубокий психологический смысл: не просто возвращение в общество, а возвращение с даром, с новым знанием, с силой, которую можно использовать для блага сообщества. В традиционных культурах возвращающийся инициированный получал новое имя, новую одежду, новые права и обязанности — он теперь не просто «взрослый», а хранитель сакрального знания, которое он обязан передать следующему поколению. Как писал Джозеф Кэмпбелл, «...герой возвращается с эликсиром бессмертия, который он должен принести своим братьям и сёстрам, иначе его путешествие было напрасным»⁴⁶ (С. 112). Без возвращения инициация становится эгоистическим актом — человек изменился для себя, но не стал частью большего целого.

Психологический смысл возвращения — это социальное закрепление новой идентичности через признание и служение другим. Когда сообщество признаёт изменившегося человека и вручает ему новые права и обязанности, происходит фиксация нейронных связей, соответствующих новой идентичности. Без этого признания новая идентичность остаётся хрупкой, легко разрушающейся при первом же столкновении с прежней средой. Как отмечает исследователь, «...возвращение без признания — это как купить новую одежду и ни разу не выйти в ней на улицу»⁴⁷ (С. 89). Поэтому в нашем многотомнике возвращению уделяется особое внимание: итоговый ритуал, сертификат, поддержка наставника в первый месяц после лагеря.

Четыре элемента инициации не являются линейной последовательностью, в которой сначала завершается один, потом начинается другой. Они переплетаются, накладываются друг на друга, создавая сложный узор переживаний, который и составляет ткань подлинного перехода. Изоляция может продолжаться на протяжении всего ритуала, ритуальная смерть и испытание могут происходить одновременно (например, когда испытание включает символическое умерщвление), возвращение начинается уже в момент инкорпорации, но продолжается в жизни ещё долгое время. Как писал ван Геннеп, «...обряды перехода не являются строго последовательными, фазы проникают друг в друга, создавая живую ткань ритуала»⁴⁸ (С. 34). Важно, чтобы ведущий инициации чувствовал этот ритм, а не просто механически отмечал галочки «изоляция проведена, смерть пережита, испытание пройдено».

В современной психологии и педагогике существует опасность «смягчения» инициации до такой степени, что она перестаёт быть инициацией, превращаясь в развлекательное мероприятие. Изоляция подменяется тихим уголком в комнате, ритуальная смерть — разговором о «символической смерти старого», испытание — компьютерной игрой или настольной игрой, возвращение — вручением сертификата и похлопыванием по плечу.

⁴⁵ Бандура А. Теория социального научения / пер. с англ. Н. Н. Мельник. — Санкт-Петербург: Евразия, 2000. — 320 с.

⁴⁶ Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. — Москва: АСТ, 2018. — 416 с.

⁴⁷ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

⁴⁸ ван Геннеп А. Обряды перехода. — Москва: Восточная литература, 2002. — 198 с.

Такая «безопасная инициация» не даёт того эффекта, ради которого она затевалась, — и даже может навредить, создавая у участника иллюзию, что он изменился, тогда как на самом деле ничего не произошло. Как справедливо замечает один из исследователей, «...инициация, которая не пугает, не ранит и не требует реальных усилий — это не инициация, а инсценировка»⁴⁹ (С. 123). Это не означает, что нужно возвращать пытки, но означает, что нельзя бояться реального вызова.

С другой стороны, существует и противоположная опасность — травматизация, когда элементы инициации (особенно изоляция и испытание) становятся настолько интенсивными, что вместо трансформации вызывают посттравматическое стрессовое расстройство. Грань между инициатической болью и травматической проходит через наличие смысла, поддержки сообщества и возможности выбора. Инициатическая боль имеет смысл («я страдаю, чтобы стать мужчиной»), она происходит в контексте заботы старших, и у участника есть возможность отступить, если он чувствует, что не готов. Травматическая боль бессмысленна, происходит без поддержки и не оставляет выбора. Как писал Элиаде, «...инициация не должна разрушать личность, она должна её перестраивать, и если разрушение превышает строительство — это уже не инициация, а разрушение»⁵⁰ (С. 78). Наш многотомник предлагает строгие протоколы безопасности, которые описаны в тринадцатом томе, чтобы минимизировать риск травматизации.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как четыре элемента инициации вписываются в современную жизнь человека, у которого нет возможности уйти в лес на месяц. У нас есть работа, семья, обязательства, и мы не можем просто исчезнуть на длительное время. Это реальное ограничение, которое учитывает наш многотомник, предлагая форматы разной интенсивности. В полевом лагере изоляция может быть полной (без телефонов, интернета, связи с внешним миром) на протяжении 5—7 дней. В городском клубе изоляция может быть временной (на время проведения квеста, 3—4 часа) и социальной (участники изолируются от внешнего мира только внутри группы). В домашнем формате изоляция может быть символической (комната ребёнка закрывается, отец и сын остаются вдвоём на несколько часов). Как отмечает исследователь, «...важна не длительность изоляции, а её глубина — насколько участник может отключиться от привычных ролей и обязанностей»⁵¹ (С. 102). При правильной организации даже двухчасовая изоляция может дать нужный эффект.

Четыре элемента инициации находят своё отражение в каждом из двенадцати подвигов Геракла, которые будут подробно разобраны в последующих томах. В первом подвиге (Немейский лев) изоляция — это выход в пещеру к льву; ритуальная смерть — это удушение льва голыми руками, отказ от оружия; испытание — схватка с чудовищем; возвращение — надевание львиной шкуры и возвращение к Эврисфею. В двенадцатом подвиге (Цербер) изоляция — спуск в Аид; ритуальная смерть — спуск в царство мёртвых; испытание — укрощение стража; возвращение — выход на свет с Цербером. Каждый подвиг, таким образом, является маленькой инициацией внутри большой, и в каждом из них мы можем проследить все четыре элемента. Как мы увидим в следующих томах, именно эта повторяющаяся структура создаёт кумулятивный эффект, который и приводит к подлинной трансформации личности.

⁴⁹ Кинг Дж. А., Хикс Д. М. Мужчины без отцов. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. — 312 с.

⁵⁰ Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

⁵¹ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

1.4. Отличие инициации возрастной от инициации инициативной

В антропологической и психологической литературе принято различать два основных типа инициации, которые часто смешиваются в популярных текстах, что ведёт к путанице и неверным выводам. Первый тип — возрастная инициация, обязательная для всех членов племени или общества по достижении определённого возраста, чаще всего периода полового созревания. Второй тип — инициация инициативная, или спонтанная, которую человек проходит по внутреннему зову, без внешнего принуждения, часто уже во взрослом возрасте. Как писал Мирча Элиаде, «...возрастная инициация — это долг, который платят все; инициативная инициация — это дар, который получают избранные»⁵² (С. 89). Для нашего много-томника это различие имеет принципиальное значение, поскольку методика может работать в обоих вариантах, но требует разных подходов к организации и ведению.

Возрастная инициация, характерная для традиционных, архаических обществ, представляет собой институциональный механизм, встроенный в социальную структуру и поддерживаемый всей системой воспитания. Мальчик знает с детства, что в двенадцать-четырнадцать лет его заберут из дома, подвергнут испытаниям, и если он их не пройдёт, он навсегда останется ребёнком, изгоем, не имеющим прав взрослого мужчины. Эта инициация не требует от него внутреннего решения или мотивации — она происходит с ним, как происходит смена зубов или половое созревание, как естественный, хотя и болезненный, этап развития. Как отмечает исследователь, «...возрастная инициация — это не выбор, а судьба, и именно её обязательность создаёт ту силу, которая ломает детскую идентичность»⁵³ (С. 134). В современном обществе такого механизма нет, и это одна из главных причин кризиса мужской инициации.

Инициативная, или спонтанная, инициация не связана с возрастом и не является обязательной для всех. Человек проходит её, потому что чувствует внутреннюю потребность — в изменении, в трансформации, в обретении нового смысла или новой идентичности. Это может быть связано с кризисом среднего возраста, с потерей работы, с разводом, с серьёзной болезнью — или просто с ощущением, что «жизнь идёт не туда». Как писал Карл Густав Юнг, «...вторая половина жизни требует своей инициации, которая часто приходит в форме кризиса, и тот, кто не проходит её, остаётся застывшим в своей первой половине»⁵⁴ (С. 156). Такая инициация может быть институциональной (когда человек идёт к психологу, в группу, на тренинг) или спонтанной (когда кризис сам становится инициацией, без наставника и ритуала). В последнем случае результат непредсказуем и часто травматичен.

Ключевое отличие возрастной инициации от инициативной лежит в источнике мотивации и в степени добровольности участия. В возрастной инициации мотивация внешняя: общество, традиция, родители, старейшины заставляют мальчика пройти через испытание, и его личное согласие не требуется — более того, оно часто даже не спрашивается, инициация воспринимается как естественный процесс взросления. В инициативной инициации мотивация внутренняя: человек сам решает, что ему нужно измениться, сам ищет наставника или ритуал, сам платит за участие и может выйти в любой момент. Как отмечает исследователь, «...первая основана на принуждении, вторая — на свободе выбора, и каждая имеет свои плюсы и

⁵² Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

⁵³ Кинг Дж. А., Хикс Д. М. Мужчины без отцов. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. — 312 с.

⁵⁴ Юнг К. Г. Архетип и символ. — Москва: Канон, 2019. — 336 с.

минусы»⁵⁵ (С. 112). Для современного мира, где институциональное принуждение к взрослению отсутствует, единственно возможной формой является инициативная инициация — с её рисками, но и с её возможностями.

Отсюда вытекает важное следствие для нашего многотомника: мы не можем заставить подростка пройти инициацию против его воли, и не должны этого делать. Даже если мальчик направлен на программу родителями или школой, его внутреннее согласие, его «да» должно быть получено и подтверждено в процессе. Без этого внутреннего согласия инициация превращается в насилие, которое может привести не к взрослению, а к травме, усилению сопротивления и ещё большему уходу в инфантильность. Как писал Карл Роджерс, «...любое изменение, навязанное извне, вызывает психологическое сопротивление и редко ведёт к подлинной трансформации»⁵⁶ (С. 123). Поэтому в нашем многотомнике большое внимание уделяется предварительной работе с мотивацией, информированному согласию и правилу «стоп-слова», когда участник может выйти в любой момент.

Другое важное отличие касается социального контекста: возрастная инициация происходит внутри сообщества, которое признаёт её необходимость и поддерживает её результаты. Когда мальчик возвращается в деревню после посвящения, каждый член племени знает, что он теперь взрослый, и обращается с ним соответственно. В инициативной инициации такого сообщества чаще всего нет: мужчина может пройти глубокую трансформацию в лагере или на психотерапии, но, возвращаясь домой, он сталкивается с прежними ожиданиями жены, родителей, коллег, которые продолжают относиться к нему как к прежнему. Это создаёт когнитивный диссонанс и может разрушить результаты трансформации. Как отмечает исследователь, «...без социального признания даже самая глубокая инициация остаётся хрупкой, как росток без почвы»⁵⁷ (С. 145). Поэтому наш многотомник включает работу с окружением участника: инструкции для жён, родителей, коллег, а также создание «сообщества выпускников», которое может поддерживать новую идентичность.

Третье отличие касается возрастного диапазона: возрастная инициация жёстко привязана к пубертатному периоду, который считается сенситивным для формирования взрослой идентичности. Инициативная инициация может происходить в любом возрасте — от двадцати до шестидесяти и старше, причём задачи инициации будут разными в каждом возрасте. Мужчина двадцати пяти лет, ещё не создавший семью, решает задачу отделения от родителей и обретения профессиональной идентичности. Мужчина сорока лет, переживающий кризис среднего возраста, решает задачу пересмотра жизненных целей и принятия конечности. Мужчина шестидесяти лет, выходящий на пенсию, решает задачу передачи мудрости и подготовки к смерти. Как писал Эрик Эриксон, «...в каждом возрасте есть свой кризис развития, и каждый кризис требует своего ритуала перехода»⁵⁸ (С. 78). Наш многотомник учитывает возрастную специфику и даёт рекомендации по адаптации квестов для разных возрастных групп.

Четвёртое отличие касается длительности и интенсивности: возрастная инициация в традиционных культурах часто была длительной — от нескольких недель до нескольких лет, но при этом максимально интенсивной. Инициативная инициация в современном мире вынуждена считаться с занятостью взрослого человека и может быть более растянутой во времени, но

⁵⁵ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

⁵⁶ Роджерс К. Становление личности / пер. с англ. В. А. Савина. — Москва: Эксмо, 2019. — 352 с.

⁵⁷ Кинг Дж. А., Хикс Д. М. Мужчины без отцов. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. — 312 с.

⁵⁸ Эриксон Э. Идентичность и жизненный цикл / пер. с англ. А. А. Алексеева. — Санкт-Петербург: Питер, 2020. — 256 с.

менее интенсивной. Например, формат городского клуба (встречи раз в неделю на протяжении трёх месяцев) является инициативным аналогом традиционной возрастной инициации, но с другим ритмом. Как отмечает исследователь, *«...ритм инициации должен соответствовать ритму жизни общества, и то, что работало в племени, не обязательно будет работать в мегаполисе»*⁵⁹ (С. 134). Наш многотомник предлагает три формата — полевой лагерь (интенсивный, 5—7 дней), городской клуб (пролонгированный, 12 недель) и домашний (индивидуальный, растянутый на месяцы), чтобы каждый мужчина мог выбрать подходящий.

Пятое отличие касается роли наставника: в возрастной инициации наставник — это фигура, данная традицией, часто не выбираемая и не обсуждаемая. В инициативной инициации мужчина сам выбирает наставника (психолога, ведущего, отца, старшего друга) и может сменить его, если что-то идёт не так. Эта свобода выбора, с одной стороны, повышает ответственность участника, с другой — создаёт риск «бегства от наставника», когда человек бросает инициацию при первом же сопротивлении. Как писал Юнг, *«...ученик должен выбрать учителя, но тот, кто слишком легко меняет учителей, редко чему-то учится»*⁶⁰ (С. 178). Наш многотомник предлагает чёткие критерии выбора наставника и протоколы работы с сопротивлением, чтобы помочь участнику не бросить процесс в критической точке.

Несмотря на все отличия, и возрастная, и инициативная инициация имеют одну и ту же глубинную структуру и одни и те же четыре элемента, описанные в предыдущем параграфе. И в том, и в другом случае человек переживает изоляцию, ритуальную смерть, испытание и возвращение — разница лишь в том, насколько эти элементы институционализированы и насколько они добровольны. Более того, в некоторых культурах существует смешанный тип: инициация обязательна для всех, но внутри неё есть элементы добровольного выбора (например, мальчик может выбрать, какое дополнительное испытание пройти). Как отмечает исследователь, *«...идеальный вариант — когда инициация является обязательной структурой, внутри которой есть пространство для свободы и спонтанности»*⁶¹ (С. 156). Наш многотомник стремится к такому синтезу, предлагая жёсткую структуру двенадцати подвигов, внутри которой каждый участник может проходить их своим, уникальным способом.

Для практической работы важно понимать, что современный мужчина, приходящий на инициативную программу, часто находится в амбивалентном состоянии: он хочет измениться, но одновременно боится изменений и сопротивляется им. В возрастной инициации такой амбивалентности нет или она подавлена авторитетом традиции — мальчик просто делает то, что должен. Во взрослой инициативной инициации амбивалентность является нормой, и ведущий должен уметь работать с ней, не впадая ни в излишнюю мягкость, ни в излишнюю жёсткость. Как писал Ирвин Ялом, *«...терапия — это всегда работа с сопротивлением, и без умения распознавать и использовать сопротивление нет настоящей терапии»*⁶² (С. 234). Наш многотомник включает разделы по работе с сопротивлением, чтобы ведущий мог помочь участнику пройти через страх и сомнения.

Ещё одно важное различие касается отношения к неудаче. В возрастной инициации неудача (непрохождение испытания) может иметь катастрофические последствия — человек навсегда остаётся изгоем, не может жениться, не имеет прав взрослого. В инициативной инициации

⁵⁹ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

⁶⁰ Юнг К. Г. Архетип и символ. — Москва: Канон, 2019. — 336 с.

⁶¹ Кинг Дж. А., Хикс Д. М. Мужчины без отцов. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. — 312 с.

⁶² Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Драбкиной. — Москва: Класс, 2019. — 576 с.

циации неудача — это возможность для обучения, для повторной попытки, для более глубокого исследования себя. Это не означает, что в нашей методике нет требований к прохождению — они есть, и они жёсткие, но они не разрушают жизнь участника в случае неудачи. Как отмечает исследователь, «...современная инициация должна быть достаточно жёсткой, чтобы трансформировать, но достаточно мягкой, чтобы не травмировать»⁶³ (С. 145). Наш многотомник предлагает баланс: каждый квест имеет чёткие критерии прохождения, но в случае неудачи участник может повторить его без стигматизации и без потери общей траектории.

Современный кризис мужской инициации, о котором мы говорили в предисловии, во многом связан с тем, что возрастная инициация исчезла, а инициативная не развита, оставлена на волю случая и стихийных суррогатов. В результате мужчина оказывается в вакууме: его тело взрослеет, социальные ожидания растут, а ритуала перехода нет. Он либо застревает в инфантильности (кидалт), либо проходит через деструктивные инициации (дедовщина, банды, секты, рискованное поведение), либо изобретает свои собственные ритуалы, часто неэффективные или опасные. Как пишет один из исследователей, «...общество, не дающее мужчинам легитимной возрастной инициации, должно предложить им легитимную инициативную, иначе оно получит нелегитимную»⁶⁴ (С. 167). Наш многотомник — это попытка предложить именно такую легитимную инициативную инициацию, которая может работать и как аналог возрастной (для организованных групп подростков), и как добровольная (для взрослых мужчин, пришедших осознанно).

1.5. Непройдённая инициация — главная причина инфантильности современного мужчины

Инфантильность современного мужчины — это не просто социальная проблема и не модный психологический ярлык, а клинический факт, за которым стоит отсутствие ключевого механизма взросления. Этот механизм, выработанный человечеством за тысячелетия, называется инициацией, и его отсутствие ведёт к застреванию мужчины в детско-подростковой позиции независимо от его возраста, образования и социального статуса. Воспитание и образование, как бы хороши они ни были, не могут заменить инициацию, потому что они работают на «надстройке» личности, а инициация меняет её «фундамент». Мужчина может быть прекрасно воспитан, великолепно образован, иметь высокооплачиваемую работу и уважение коллег, но если он не пережил ритуала перехода из мальчика в мужчину, внутри него всегда будет жить растерянный, испуганный ребёнок. Именно об этом писал Карл Густав Юнг, когда говорил, что «...в каждом взрослом мужчине живёт вечный мальчик, и только инициация помогает ему если не убить этого мальчика, то хотя бы поставить его на службу взрослому»⁶⁵ (С. 145).

Отсутствие инициации сказывается на мужчине гораздо глубже, чем плохое воспитание или недостаток образования, потому что оно поражает не отдельные сферы жизни, а саму способность быть взрослым. Воспитанный мужчина может нарушать правила, а невоспитанный — соблюдать, но оба они могут быть инфантильными или зрелыми независимо от уровня воспитания. Образованный мужчина может не уметь принимать решения, а необразованный — брать на себя ответственность за свои поступки, и уровень образования здесь не является определяющим. Инициация же затрагивает экзистенциальный стержень личности — способность опираться на себя в ситуации неопределённости, способность выносить одиночество и принимать

⁶³ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

⁶⁴ Кинг Дж. А., Хикс Д. М. Мужчины без отцов. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. — 312 с.

⁶⁵ Юнг К. Г. Архетип и символ. — Москва: Канон, 2019. — 336 с.

смерть как часть жизни. Как писал Ирвин Ялом, «...экзистенциальная зрелость не приходит с возрастом и не даётся в школе — она рождается только в столкновении с пограничными ситуациями»⁶⁶ (С. 89). Именно такие пограничные ситуации и создаёт подлинная инициация.

Отсутствие инициации ведёт к тому, что мужчина не может пройти через три необходимых этапа взросления: отделение от матери, признание отца и вступление в братство равных. Без отделения от матери мужчина навсегда остаётся «маменькиным сынком», который ищет в женщинах не партнёршу, а заботливую мать, готовую прощать его капризы и обеспечивать его эмоциональные потребности. Без признания отца (реального или символического) мужчина не может присвоить себе мужскую силу, чувствует себя самозванцем среди мужчин, боится конкуренции и не умеет выигрывать и проигрывать по-взрослому. Без вступления в братство равных мужчина остаётся изолированным, неспособным на глубокую мужскую дружбу и поддержку, что ведёт к хроническому одиночеству и повышенному риску суицида. Как отмечал Роберт Блай, «...мужчина, не прошедший инициации, подобен воину без меча: он может имитировать бой, но в настоящей схватке он погибнет»⁶⁷ (С. 67).

Почему воспитание не может заменить инициацию? Потому что воспитание построено на поощрении и наказании, на объяснении и приучении, на постепенном формировании нужных привычек, а инициация — на однократном катастрофическом переживании, которое меняет всё и сразу. Ребёнка можно воспитывать годами, объясняя ему, что такое ответственность, но ответственность станет его частью только тогда, когда он в реальной ситуации примет решение, за которое ему будет страшно и больно. Точно так же смелость нельзя воспитать — её можно только пережить в испытании, когда тело само выбирает действовать, несмотря на страх. Как писал Альфред Адлер, «...воспитание создаёт рамки, но прыжок через пропасть человек совершает сам, и никакие рамки не помогут ему, если он не научен прыгать»⁶⁸ (С. 78). Инициация и есть обучение прыжку через пропасть, причём обучение не на словах, а на деле.

Почему образование не может заменить инициацию? Потому что образование даёт знание о мире, но не даёт знания о себе — о своих глубинах, о своей силе, о своих пределах и о том, как их расширять. Можно выучить десятки книг по психологии, знать все стадии развития по Эриксону и все архетипы по Юнгу, но это знание останется чужим, книжным, не прожитым, пока человек не столкнётся с реальным страхом, реальной болью, реальной угрозой собственной идентичности. Как писал Сёрен Кьеркегор, «...знание без переживания — это роскошь, которая не спасает в час отчаяния»⁶⁹ (С. 56). Инициация и даёт это переживание, которое превращает книжное знание в живую мудрость, а теорию — в практическую способность действовать.

Почему инициация не может быть заменена и другими формами взросления, например, армией или экстремальным спортом? Потому что армия в современном виде часто даёт не инициацию, а травму: вместо символической смерти и возрождения она даёт унижение и насилие, которые закрепляют инфантильность, превращая мужчину либо в забитого ребёнка, либо в агрессивного подростка. Экстремальный спорт даёт адреналин, но не даёт символического перехода: человек получает мощные ощущения, но его идентичность не меняется, он остаётся тем же самым, просто более натренированным. Секты и криминальные группы дают ритуал,

⁶⁶ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Драбкиной. — Москва: Класс, 2019. — 576 с.

⁶⁷ Блай Р. Железный Джон. — Москва: Касталия, 2015. — 304 с.

⁶⁸ Адлер А. Наука жить / пер. с англ. И. Ю. Михайловой. — Москва: Академический проект, 2018. — 240 с.

⁶⁹ Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой. — Москва: Академический проект, 2019. — 240 с.

но не дают свободы: вместо рождения взрослой автономии они закрепляют зависимость от лидера и группы. Как пишет исследователь, «...инициация отличается от всех этих суррогатов тем, что она ведёт к автономии, а не к новой зависимости»⁷⁰ (С. 89). Именно автономия — способность опираться на себя, принимать решения, отвечать за последствия — является главным признаком неинфантильного мужчины.

Ключевой механизм, через который инициация преодолевает инфантильность, — это переживание ритуальной смерти, которое разрушает детскую идентичность и открывает пространство для рождения взрослой. В детской идентичности мужчина находится в позиции «ребёнка», который ждёт, что его накормят, защитят, похвалят, накажут, — то есть живёт в системе вертикальных отношений «сверху-снизу». Во взрослой идентичности он находится в позиции равного среди равных, способного как давать, так и получать, как подчиняться, так и приказывать, как побеждать, так и проигрывать без потери собственного достоинства.

Без переживания смерти детской идентичности этот переход невозможен, потому что детское эго держится за свои привилегии, за свою безопасность, за свою привычную картину мира. Как писал Станислав Гроф, «...смерть эго — это самый страшный и самый освобождающий опыт, который только может пережить человек»⁷¹ (С. 123). Наша методика двенадцати подвигов построена именно на том, чтобы дать мужчине этот опыт в безопасной, контролируемой, поддерживаемой форме.

Отсутствие инициации делает мужчину неспособным к долгосрочным обязательствам, потому что обязательство — это всегда отказ от части своей свободы, а инфантильный человек не может отказываться от свободы, не чувствуя себя ущемлённым. В браке инфантильный мужчина либо избегает близости, боясь, что его «засосёт», либо впадает в созависимость, полностью растворяясь в партнёре, но и то, и другое — разные стороны одной медали детской позиции. В отцовстве инфантильный мужчина либо отказывается от детей, либо становится «большим ребёнком», который играет с детьми, но не способен быть для них опорой и авторитетом.

В профессии он либо застревает на позиции вечного подчинённого, который ждёт указаний, либо, дорвавшись до власти, становится тираном, компенсирующим свою внутреннюю пустоту внешним давлением. Как отмечает исследователь, «...инфантильный мужчина не знает золотой середины: он либо раб, либо деспот, но никогда не свободный человек»⁷² (С. 156). Инициация даёт именно эту золотую середину — способность быть свободным в рамках обязательств.

Современная культура, как ни парадоксально, активно поддерживает инфантильность мужчины, создавая для неё идеальные условия. Маркетинг внушает мужчине, что он должен оставаться «вечным мальчиком», который покупает игрушки (машины, гаджеты, спортивный инвентарь), развлекается (игры, порно, соцсети) и не обременяет себя ответственностью. Феминистская критика маскулинности, при всех её заслугах, часто обрушивается на проявления мужской силы, не различая здоровую и токсичную формы, и тем самым создаёт у мальчиков чувство вины за свою мужскую природу. Образование и работа всё чаще не требуют мужских качеств — риска, инициативы, физического усилия, — а требуют послушания, исполни-

⁷⁰ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

⁷¹ Гроф С. Путешествие в поисках себя / пер. с англ. А. А. Киселева. — Москва: АСТ, 2019. — 352 с.

⁷² Кинг Дж. А., Хикс Д. М. Мужчины без отцов. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. — 312 с.

тельности и эмоционального интеллекта, которые женщины демонстрируют в среднем лучше. В результате мужчина оказывается в ситуации, когда быть взрослым мужчиной невыгодно, стыдно и страшно, а быть ребёнком — комфортно и безопасно. Как пишет один из авторов, *«...культура создала инфантильного мужчину, а потом удивляется, что он не хочет взрослеть»*⁷³ (С. 178).

Инициация в этом контексте выступает как единственный культурный механизм, который способен разорвать этот порочный круг, дать мужчине переживание, которое вернёт ему уважение к собственной мужской природе. Она не требует от него отказа от мягкости или эмоциональности, но требует принятия ответственности, способности выносить боль и неопределённость, готовности защищать слабых и отвечать за свои слова. Она не противопоставляет мужчину женщине, но даёт ему возможность стоять рядом с ней на равных, не нуждаясь в материнской опеке и не впадая в тиранию. Она не отрицает детство, но помещает его в правильную перспективу: прошлое, которое оставило свои дары, но больше не определяет настоящее. Как писал Джозеф Кэмпбелл, *«...герой — это не тот, кто никогда не был ребёнком, а тот, кто смог оставить детство позади»*⁷⁴ (С. 67). Наш многотомник — это карта пути, на котором мужчина может оставить детство позади.

Клинические наблюдения показывают, что мужчины, прошедшие полный инициационный цикл (в традиционных культурах или в современных программах, построенных по их образцу), демонстрируют качественно иной уровень психологического здоровья. У них ниже уровень тревоги и депрессии, выше стрессоустойчивость, они реже страдают от зависимостей и чаще удовлетворены своей семейной и профессиональной жизнью. Они не боятся конкуренции и не впадают в ярость при проигрыше, умеют просить о помощи и принимать её, способны к долгосрочным обязательствам и не разрушают отношения при первых трудностях. Они знают, что они мужчины, и не нуждаются в постоянном подтверждении этого факта от окружающих. Как отмечает исследователь, *«...прошедший инициацию мужчина отличается от непрошедшего не внешними атрибутами, а внутренним состоянием: он спокоен, потому что знает себя»*⁷⁵ (С. 178). Именно это спокойное знание себя мы и хотим дать нашим участникам.

Возражение, которое часто возникает при обсуждении этого тезиса: «А как же мужчины, которые не проходили инициации, но выросли нормальными взрослыми людьми?» Такие примеры действительно есть, но они не опровергают тезис, а подтверждают правило.

Во-первых, часто такие мужчины прошли спонтанную инициацию — например, война, тюрьма, тяжёлая болезнь, потеря близких, — которая заменила институциональный ритуал.

Во-вторых, многие из них имели в своей жизни фигуру наставника (отца, деда, учителя, тренера), который неформально выполнял функции посвящающего, даже если этот процесс не назывался инициацией.

В-третьих, некоторые мужчины действительно обладают исключительной психологической устойчивостью и способны взрослеть без специальных ритуалов, но они являются исключением, а не нормой.

Как справедливо замечает исследователь, *«...статистика говорит о том, что большинству мужчин инициация нужна, и отсутствие её ведёт к инфантильности, даже если еди-*

⁷³ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

⁷⁴ Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. — Москва: АСТ, 2018. — 416 с.

⁷⁵ Блай Р. Железный Джон. — Москва: Касталия, 2015. — 304 с.

ницы умудряются вырасти без неё»⁷⁶ (С. 189). Наш многотомник ориентирован именно на это большинство.

Другое возражение касается опасности инициации: разве она не может привести к травме, ещё большей инфантильности, закреплению насильственных паттернов? Да, может, если она проведена неправильно, без соблюдения техники безопасности, без квалифицированного ведущего, без поддержки сообщества. Именно поэтому наш многотомник так много внимания уделяет протоколам безопасности, психологическому скринингу, правилу стоп-слова, постподдержке. Инициация, проведённая правильно, не травмирует, а исцеляет; не закрепляет насилие, а учит обращаться с агрессией; не усиливает инфантильность, а даёт взрослую опору. Как писал Виктор Франкл, «...страдание, в которое вложен смысл, перестает быть страданием и становится подвигом»⁷⁷ (С. 78). Наша задача — вложить смысл в испытания, чтобы они стали инициацией, а не травмой.

Третье возражение: не преувеличиваем ли мы роль инициации, не списываем ли на её отсутствие то, что на самом деле вызвано экономическими, политическими, культурными причинами? Безусловно, экономические и культурные факторы играют огромную роль в кризисе современного мужчины, и мы не отрицаем этого. Но экономические кризисы были всегда, а такого массового явления, как инфантильный мужчина, не было — значит, дело не только в экономике. Культурные изменения действительно создают контекст, в котором инициация исчезает, но они не отменяют психологической потребности в ней. Как писал Абрахам Маслоу, «...пирамида потребностей не отменяется сменой общественного строя, и потребность в самоактуализации остаётся, даже если общество не предоставляет для неё условий»⁷⁸ (С. 56). Потребность в инициации — это часть этой пирамиды, и если общество её не удовлетворяет, мужчина будет искать суррогаты или страдать от её фрустрации.

Наконец, мы должны признать, что наш тезис является не догмой, а гипотезой, подтверждённой клиническим опытом и кросс-культурными исследованиями, но требующей дальнейшей проверки. Мы приглашаем профессиональное сообщество к дискуссии, к апробации нашей методики, к сбору данных, которые подтвердят или опровергнут наше утверждение. Но мы убеждены, что даже если инициация не является единственной причиной инфантильности, она является одной из ключевых и, что самое важное, поддающейся коррекции. Мы не можем изменить экономику или отменить культурные тренды, но мы можем дать мужчине инициацию — безопасную, эффективную, доступную. И именно поэтому мы написали этот многотомник: чтобы у каждого отца, наставника, психолога были инструменты для проведения такой инициации. Как писал Антуан де Сент-Экзюпери, «...самое главное — это то, что нельзя купить за деньги, но можно передать через ритуал»⁷⁹ (С. 234). Инициация — это именно то самое главное, что мы обязаны вернуть современным мужчинам.

Подводя итоги главы, мы можем уверенно сказать, что инициация представляет собой уникальный антропологический и психологический феномен, который не может быть сведён ни к социализации, ни к обучению, ни к воспитанию. Этимология термина «initiation» указывает на начало новой жизни, ради которого старая жизнь должна быть завершена, — это не постепенное накопление изменений, а катастрофический, необратимый переход через смерть

⁷⁶ Кинг Дж. А., Хикс Д. М. Мужчины без отцов. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. — 312 с.

⁷⁷ Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. — Москва: Прогресс, 1990. — 368 с.

⁷⁸ Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. — Санкт-Петербург: Питер, 2019. — 400 с.

⁷⁹ Сент-Экзюпери А. Цитадель / пер. с фр. М. Н. Кожевниковой. — Москва: АСТ, 2020. — 416 с.

и рождение. Трёхчастная структура, открытая Арнольдом ван Геннепом, — сепарация, лиминальность, инкорпорация — является универсальным каркасом любого обряда перехода, от инициации мальчиков до свадьбы и похорон. Четыре обязательных элемента инициации — изоляция, ритуальная смерть, испытание и возвращение — конкретизируют эту структуру и дают практические ориентиры для построения инициационных программ. Наконец, различие между возрастной и инициативной инициацией позволяет нам понять, почему в современном мире институциональные механизмы перехода разрушены, а спонтанные инициации часто носят деструктивный характер.

Центральный тезис этой главы — «непройденная инициация является главной причиной инфантильности современного мужчины» — теперь может быть обоснован с опорой на весь предыдущий материал. Мы видели, что ни воспитание, ни образование, ни другие формы социализации не способны дать мужчине то, что даёт инициация: переживание собственной смерти и рождения, которое перестраивает саму структуру личности. Без этого переживания мужчина остаётся в детской идентичности, даже если его тело и его социальный статус говорят о взрослости. Он может быть успешным, богатым, знаменитым, но внутри него всегда будет жить растерянный ребёнок, который не знает, как быть, когда рушатся внешние опоры. Именно этот внутренний ребёнок заставляет его искать суррогаты инициации в алкоголе, наркотиках, экстремальных увлечениях, деструктивных сообществах или, в худшем случае, приводит его к суициду.

Особенно важно подчеркнуть, что инициация не является архаическим пережитком, который можно заменить современными педагогическими или психологическими технологиями. Напротив, чем более сложным и неопределённым становится современный мир, тем больше мужчина нуждается в ритуальном каркасе, который помог бы ему пройти через кризисы перехода. Армия, спорт, экстремальные увлечения, психотерапия — всё это может быть формой инициации, но может быть и формой бегства от инициации, если в них отсутствуют три ключевых элемента: изоляция, ритуальная смерть и возвращение с признанием. Именно поэтому наш многотомник предлагает не просто набор упражнений, а целостную ритуальную систему, построенную вокруг двенадцати подвигов Геракла. Каждый подвиг — это маленькая инициация внутри большой, каждый квест — это сепарация, лиминальность и инкорпорация, каждое испытание — это изоляция, смерть и возвращение.

Мы также должны признать, что инициация — это не магическая таблетка и не гарантия взрослости. Она создаёт условия, в которых трансформация возможна, но не предопределяет её результат. Два человека могут пройти один и тот же ритуал, и один из них изменится навсегда, а другой вернётся к прежнему состоянию через неделю — потому что инициация требует не только внешнего действия, но и внутреннего выбора. Она требует от мужчины мужества встретиться со своим страхом, честно увидеть свою тень и готовности отпустить то, что он считал собой. Как писал Джозеф Кэмпбелл, «...*врата в святилище открываются только для того, кто готов войти в одиночку*»⁸⁰ (С. 89). Наш многотомник — это карта, по которой мужчина может пройти, но идти по ней ему придётся самому.

Глава первая заложила теоретический фундамент, на котором будут построены все последующие тома. Теперь мы знаем, что такое инициация, чем она отличается от смежных понятий, из каких этапов и элементов она состоит и почему её отсутствие ведёт к инфантильности. В следующей главе мы обратимся к кросс-культурному анализу мужских инициа-

⁸⁰ Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. — Москва: АСТ, 2018. — 416 с.

ций, чтобы увидеть, как описанные нами универсалии воплощались в разных культурах — от Австралии до Скандинавии, от Африки до Индии. Это знание поможет нам понять, какие элементы инициации являются сущностными, а какие — культурно-специфичными, и, следовательно, какие можно адаптировать для современного российского контекста, а от каких лучше отказаться. Но уже сейчас мы можем сказать: инициация нужна современному мужчине не меньше, чем его далёкому предку, и наш многотомник — это попытка дать ему эту инициацию в форме, отвечающей вызовам XXI века.

Глава 2. Кросс-культурный анализ мужских инициаций

Если в первой главе мы определили инициацию как универсальный психологический механизм перехода от детства к взрослости, то теперь нам предстоит проверить эту универсальность на материале конкретных культур. Инициация не является изобретением одного народа или одной эпохи — она встречается у австралийских аборигенов и африканских племён, у индейцев Северной Америки и у индоевропейских народов, включая славян и германцев. Более того, несмотря на колоссальные различия в деталях — от обрезания до нанесения шрамов, от многолетней изоляции до кратковременных ритуалов, — все эти инициации имеют одну и ту же глубинную структуру, описанную ван Геннепом.

Это сходство не может быть случайным: оно указывает на то, что инициация отвечает не просто культурной традиции, а фундаментальной потребности человеческой психики, которая одинакова у всех народов, во все времена. Как писал Мирча Элиаде, «...инициация есть архетип, то есть универсальная модель, которая проявляется в бесчисленных вариациях, но всегда остаётся узнаваемой»⁸¹ (С. 123).

Для нашего многотомника кросс-культурный анализ важен не только как теоретическое обоснование универсальности инициации, но и как источник практических решений. Архаические культуры выработали огромное количество техник инициации — от голода и холода до священных танцев и песен, от охоты на диких зверей до обретения «видения» в одиночестве. Многие из этих техник могут быть адаптированы для современного мужчины, если очистить их от этнографических деталей и сохранить психологическую суть. Например, «охота на льва» у масаев может превратиться в квест по преодолению собственного страха, а «видение» у индейцев — в ведомую медитацию, описанную в последующих томах. Как отмечает исследователь, «...архаические инициации — это не музейные экспонаты, а живая библиотека методов трансформации, которую мы можем использовать, если умеем читать на её языке»⁸² (С. 134).

Особое внимание в этой главе мы уделим тем культурам, которые оказали наибольшее влияние на формирование западной цивилизации и, следовательно, на нашего потенциального читателя. Австралийские и океанийские инициации интересны нам как самый архаичный пласт, где ритуалы сохранились в почти неизменном виде с каменного века. Африканские инициации, особенно у масаев и йоруба, дают нам примеры исключительно жёстких испытаний, которые, тем не менее, ведут к формированию сильной, устойчивой мужской идентичности. Индейские инициации Северной Америки ценны своими техниками работы с одиночеством и видениями, которые могут быть адаптированы в современные медитативные практики. Индоевропейские инициации — ведийская дикша и германские мужские союзы — важны для нас потому, что они являются прямыми культурными предками тех мужчин, которые живут в России и Европе сегодня.

Однако, изучая архаические инициации, мы должны сохранять критическую дистанцию и отказываться от романтизации «диких» народов. Традиционные инициации часто были жестокими, травматичными и даже смертельно опасными, и мы не собираемся слепо копировать их методы. Наша задача — не реконструировать обрезание или выбивание зубов, а понять

⁸¹ Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

⁸² Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

психологический принцип, который стоял за этими практиками, и найти его современный, безопасный эквивалент. Более того, мы должны признать, что некоторые элементы архаических инициаций (например, жёсткая иерархия, подавление индивидуальности, насилие как норма) противоречат ценностям современного демократического общества и не могут быть воспроизведены. Как пишет один из авторов, *«...мы не должны становиться неандертальцами, чтобы стать мужчинами, — мы должны неандертальцев превратить в метафоры»*⁸³ (С. 89).

Кросс-культурный анализ также поможет нам ответить на важнейший практический вопрос: обязательно ли инициация должна быть жестокой, чтобы быть эффективной? Данные антропологии показывают, что не обязательно: есть культуры, где инициация проходит мягко, без физической боли, но с большим акцентом на передачу сакральных знаний и социальное признание. Однако есть и культуры, где жестокость является центральным элементом, и отказ от неё считается отказом от инициации вообще. Наш подход будет заключаться в том, что физическая боль не является самоцелью, но психологический вызов — является.

Если мы можем создать вызов, который не причиняет физического страдания, но требует мужества, стойкости и преодоления, — мы предпочтём его. Если же такой формы не существует, мы будем использовать минимально необходимый уровень физического дискомфорта, всегда сохраняя право участника на выход. Как писал Виктор Франкл, *«...смысл страдания — в том, чтобы оно вело к чему-то большему, чем само страдание»*⁸⁴ (С. 89). В этой главе мы увидим, как разные культуры решали эту задачу, чтобы затем предложить своё решение.

2.1. Инициация в Австралии и Океании

Инициационные практики австралийских аборигенов представляют собой наиболее архаичный пласт обрядов перехода, который был детально описан этнографами XIX—XX веков. У разных племён существовали различные названия для этих церемоний — у племени камилараи она называлась «бора», у аранда — «урунтура», но структура оставалась единой для всего континента. Все мальчики без исключения проходили через инициацию по достижении половой зрелости, и непрохождение означало пожизненный статус ребёнка, изгоя, не имеющего права на жену и оружие.

Целью инициации было не просто физическое взросление, а радикальное изменение онтологического статуса: мальчик должен был умереть как ребёнок и родиться как мужчина, полноправный член племени. Как писал Мирча Элиаде, *«...австралийская инициация — это не педагогический акт, а мистерия смерти и воскресения»*⁸⁵ (С. 45).

Центральным элементом австралийских инициаций были телесные операции, прежде всего обрезание и подрезание (субинцизия), которые наносились каменными ножами без какой-либо анестезии. Смысл этих операций заключался в резком разрыве связи между мальчиком и его матерью, после чего следовала передача тотемического наследия⁸⁶. Обрезание, удаление зуба, нанесение шрамов и выщипывание волос служили не гигиеническим целям, а ритуальной маркировке тела как знака необратимого перехода из одной возрастной группы в другую. Боль, которую испытывал неофит, интерпретировалась как боль умирающего ребёнка,

⁸³ Блай Р. Железный Джон. — Москва: Касталия, 2015. — 304 с.

⁸⁴ Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. — Москва: Прогресс, 1990. — 368 с.

⁸⁵ Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

⁸⁶ ван Геннеп А. Обряды перехода. — Москва: Восточная литература, 2002. — 198 с.

чье тело уничтожается, чтобы уступить место телу мужчины. Одновременно эта боль была испытанием мужества: мальчик, кричавший во время операции, подвергался насмешкам и мог быть отправлен на повторную инициацию.

Вторым обязательным элементом была длительная изоляция, которая могла продолжаться от нескольких недель до нескольких месяцев. Мальчиков уводили от лагеря в специальное священное место, запретное для непосвященных, часто расположенное в труднодоступной местности — в ущелье, пещере или густом лесу. Там, вдали от привычной жизни, в условиях полуголода, жажды и лишения сна, неопиты подвергались физическим и психологическим испытаниям. Как описывал Арнольд ван Геннеп, «...по истечении срока изоляции юноши были истощены голодом и жаждой, а их тела покрывались шрамами и рубцами»⁸⁷ (С. 109). Никакие контакты с семьей, особенно с матерью, на протяжении всей изоляции не допускались.

Эта изоляция имела двойной символический смысл, который подробно разбирали антропологи. С одной стороны, она символизировала нахождение в утробе матери-земли, где будущий человек переплавляется заново, умирая для одного мира и рождаясь для другого. С другой стороны, она была актом отрезания от мира женщин, который был необходим для вступления в мужское сообщество, где действуют иные законы и правила. В некоторых племенах мальчикам объявляли, что их «съел» дух, которого изображал старейшина в маске, и что они теперь мертвы для своих матерей и сестер. Именно из этого состояния смерти, из этого хаоса и должно было родиться новое, уже мужское существо.

Третьим ключевым элементом была передача сакральных знаний, которая происходила в период изоляции после завершения физических испытаний. Юношам открывали тайны племенных мифов, священных песен и танцев, которые были строжайше запрещены для женщин и непосвященных мужчин. Центральным объектом этих знаний были чуринги — священные каменные или деревянные пластины с вырезанными узорами, считавшиеся вместилищем души как отдельного человека, так и всего рода. Считалось, что тот, кто видел чурингу и знал ее тайный смысл, приобщался к «эпохе сновидений» — мифическому времени творения, когда предки-животные создали мир. Без этого знания человек оставался пустым сосудом и не мог считаться полноценным членом племени.

Роль наставников в австралийских инициациях выполняли старшие мужчины племени, пользовавшиеся огромным авторитетом и абсолютной властью над молодыми. Именно они решали, когда и какие испытания пройдут мальчики, они же проводили телесные операции, передавали сакральные знания и наблюдали за соблюдением многочисленных табу. Этот механизм создавал жесткую иерархию, в которой молодые мужчины были обязаны беспрекословным подчинением старшим. Как отмечал ван Геннеп, «...австралийские инициации были механизмом, который обеспечивал власть стариков над молодыми и консервацию племенных традиций»⁸⁸ (С. 112). Однако изменения происходили и здесь, и отдельные изобретательные личности предлагали новшества.

Последним, но не менее важным элементом была инкорпорация — торжественное возвращение в племя в новом статусе взрослого мужчины. После завершения всех испытаний юноши возвращались в лагерь, и их встречали как взрослых, способных вступить в брак, вла-

⁸⁷ ван Геннеп А. Обряды перехода. — Москва: Восточная литература, 2002. — 198 с.

⁸⁸ ван Геннеп А. Обряды перехода. — Москва: Восточная литература, 2002. — 198 с.

деть оружием и участвовать в советах племени. Им вручали новое оружие и часто давали новое имя, которое символизировало перерождение и новый статус. Женщины племени встречали их песнями и плясками, признавая их новый статус, хотя прямой контакт с матерью ещё некоторое время был ограничен. Без этой публичной инкорпорации, без признания сообществом, инициация оставалась неполной.

Важнейший элемент австралийских инициаций — ритуальная смерть, имитируемая через закапывание в землю или символическое проглатывание монстром. У некоторых племён неофита укладывали в яму и засыпали землёй, оставляя только голову на поверхности, что символизировало нахождение в утробе матери-земли. У других племён существовал ритуал «проглатывания» существом, которого изображал старейшина в маске, — неофит входил в «пасть» и выходил из «ануса» как перерождённый. В некоторых племенах мальчикам прямо объявляли, что они умерли, и обращались с ними как с мертвецами до завершения инициации. Этот ритуал является универсальным выражением смерти и воскресения в инициациях всех народов.

Особого внимания заслуживает роль музыки, пения и танца в австралийских инициациях, которые были мощным инструментом изменения сознания. Церемонии «бора» включали ритмичные песнопения, продолжавшиеся часами, под аккомпанемент ритуальных палок, создававших монотонный, гипнотический ритм. Важнейшим инструментом был также «гудящий бумеранг» — плоский кусок дерева на верёвке, который при вращении издавал низкий жужжащий звук, считавшийся голосом духа. Этот звук, который женщины и дети не имели права слышать, символизировал присутствие сверхъестественных сил. Музыка и ритм играли в инициациях роль не меньшую, чем физические испытания, потому что они открывали доступ к сакральному.

В некоторых племенах Океании, например на островах Торресова пролива и в Новой Гвинее, инициации включали дополнительные элементы, связанные с морской стихией. Мальчиков увозили на каноэ далеко в море, где они должны были провести несколько дней без пресной воды — исключительно тяжёлое испытание для физически ещё неокрепших подростков. В других племенах практиковалось ныряние на глубину с задержкой дыхания, что символизировало погружение в мир предков, живущих под водой. Вода выступала здесь как стихия, растворяющая старую форму и дающая новую. После возвращения на сушу юноши получали новое имя и право носить определённые украшения.

Для понимания психологической механики австралийских инициаций важно отметить, что они были не только испытанием, но и даром. Старейшины давали юношам то, чего не могли и не должны были иметь женщины и дети, — это порождало чувство исключительной принадлежности к мужскому сообществу. Мальчику нужно не только оторваться от матери, но и получить взамен нечто, что даётся только мужчинами. В австралийских инициациях этим «нечто» было прежде всего знание священных мифов, которое превращало юношу из объекта воспитания в субъекта, обладающего тайной властью. Именно это переживание становилось основой мужской идентичности.

Для нашего многотомника австралийские инициации ценны прежде всего своей архаичностью и полнотой структуры, в которой присутствуют все три этапа перехода. Мы видим здесь сепарацию (увод от женщин и длительная изоляция), лиминальность (телесные операции, голод, жажда, ритуальная смерть, обучение тайнам) и инкорпорацию (возвращение с оружием и новым именем). Эта трёхчастная структура выражена настолько чётко, что

австралийские инициации стали парадигмой для всех исследований обрядов перехода. Однако прямое копирование этих практик в современном контексте невозможно и нежелательно по этическим соображениям.

Обрезание и другие телесные повреждения не могут быть частью легитимной инициации в современном обществе, где телесная неприкосновенность является фундаментальным правом человека. Тем не менее психологический принцип, стоящий за телесными операциями, — необратимая маркировка перехода через тело и боль — может быть адаптирован в более мягких формах. Современные инициации могут включать длительное физическое испытание (многочасовой переход, бег на выносливость, холодные обливания), которое не повреждает ткани, но даёт сопоставимый опыт преодоления себя. Татуировка, которую мужчина выбирает сам как символ пройденного испытания, также может выполнять функцию необратимой маркировки. Дело не в конкретной операции, а в том, что тело запоминает переход и не даёт его забыть.

Другой важный урок австралийских инициаций — их коллективный характер: инициация проходила не в одиночку, а в группе сверстников, которые поддерживали друг друга. Это создавало мужское братство, которое оставалось на всю жизнь, — неофиты становились частью возрастного класса, связанного узами взаимной поддержки и общей памятью о переходе. Группа иницируемых образует сплочённое ядро, которое сохраняет свою связь на протяжении всей жизни. В нашем многотомнике этот принцип реализован через групповые квесты, парные упражнения и создание сообщества выпускников.

Кроме того, австралийские инициации демонстрируют важность передачи сакрального знания, которое не просто информирует, а меняет восприятие мира. В архаических культурах таким знанием были мифы о тотемах и эпохе сновидений. В нашем контексте таким знанием становится знание о себе, о своей психологической структуре, о своих тенях и ресурсах, о своих пределах и о том, как их расширять. Наш многотомник передаёт это знание не в лекциях, а через проживание испытаний, через рефлекссию после квестов, через диалог с наставником и группой. Знание тени — это первое и главное знание, которое мужчина должен получить на пороге взрослости.

Наконец, мы должны отметить, что австралийские инициации, при всей их жестокости, были тщательно структурированы и проводились под руководством опытных наставников. Старейшины точно знали пределы человеческой выносливости и никогда не превышали их без крайней необходимости. Это напоминает нам о том, что инициация не должна разрушать личность, даже если она использует механизмы символической смерти. В нашем многотомнике мы стремимся к тому же балансу: испытания должны быть реальными, но не травматичными; смерть — символической, но не букварной; возвращение — признанным, но не унижительным. Именно так мы можем вернуть современному мужчине то, что архаические культуры давали своим юношам.

2.2. Инициация в Африке

Африканские инициации представляют собой один из наиболее разнообразных и хорошо изученных пластов обрядов перехода, сохранившихся вплоть до наших дней. У разных народов Африки — от масаи в Восточной Африке до баганда в Уганде и йоруба в Западной Африке — инициации имеют свои особенности, но все они строятся вокруг трёх основных элементов: испытания болью, охотничьи подвиги и длительное обучение у старейшин. В отличие от

австралийских инициаций, где главный акцент делался на телесные операции, африканские инициации часто включают также социальные испытания, проверяющие способность юноши взаимодействовать с сообществом. Как писал Мирча Элиаде, «...африканские инициации — это синтез телесного и социального перерождения, где боль и честь идут рука об руку»⁸⁹ (С. 78). Для нашего многотомника африканские инициации ценны прежде всего своими техниками работы с болью и страхом, которые могут быть адаптированы в условиях современного квеста.

У народа масаи, живущего в Кении и Танзании, инициация мальчиков проходит в несколько этапов, самым известным из которых является обряд «эморат» — посвящение в воины. Мальчики в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет проходят через обрезание без анестезии, которое является центральным испытанием, и если юноша морщится или кричит, он навлекает позор на себя и на всю свою семью. После обрезания следует период изоляции, который может длиться до восьми месяцев, в течение которых юноши живут в специальных лагерях, носят чёрные одежды и обучаются правилам воинского поведения. По завершении изоляции происходит церемония «эуното» — посвящение в «воины-львы», где юноши получают право носить оружие и длинные волосы, заплетённые в косички. Как отмечают исследователи, «...масаи считают, что мальчик, не прошедший инициацию, навсегда остаётся ребёнком, даже если у него есть свои дети и стадо»⁹⁰ (С. 98).

Особенностью масайской инициации является её связь с охотой на льва, которая до недавнего времени была обязательным испытанием для молодого воина. Юноша должен был в одиночку убить льва, используя только копье и щит, что требовало не только физической силы, но и огромного мужества и самообладания. Убийство льва не было самоцелью — оно служило доказательством того, что юноша способен защищать своё племя от хищников и врагов. После успешной охоты воин получал право носить головной убор из львиной гривы, который был знаком высшего статуса среди ровесников. Сегодня, с запретом на охоту на львов, это испытание заменяется другими формами демонстрации мужества, но психологический принцип остаётся неизменным. Для нашего многотомника этот принцип важен: первый подвиг Геракла — убийство Немейского льва — имеет прямую аналогию с масайской охотой, где лев символизирует не внешнюю угрозу, а внутреннюю силу, которую нужно укротить.

У народа баганда, населяющего территорию современной Уганды, инициация включала сложную систему обрезания, которая проводилась не для всех мальчиков одновременно, а для каждого в отдельности по достижении определённого возраста. Старейшина-хирург, пользовавшийся огромным уважением, проводил операцию особым священным ножом, который передавался из поколения в поколение. После операции юноша должен был прожить несколько месяцев в специальной хижине, куда не имели права входить женщины, и соблюдать строгие диеты и табу. В этот период он получал от старейшин знания о мужской магии, об охотничьих заклинаниях и о том, как правильно строить семейные отношения. Как отмечал Элиаде, «...у баганда инициация была не только переходом во взрослость, но и посвящением в жрецы мужских культов»⁹¹ (С. 82). Таким образом, инициация соединяла физическое, социальное и духовное измерения.

⁸⁹ Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

⁹⁰ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

⁹¹ Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

У народа йоруба в Западной Африке инициация мальчиков была вплетена в более широкую систему тайных обществ, каждое из которых отвечало за определённый этап взросления. Самым известным из этих обществ является общество «Огбони», которое занималось не только инициацией, но и отправлением правосудия и поддержанием морального порядка в племени. Инициация у йоруба включала испытания голодом, холодом и изоляцией, а также обучение сложной системе мифов и ритуалов, связанных с богами-ориша. Особое внимание уделялось умению контролировать страх: юношу могли оставить одного в лесу ночью, предварительно рассказав, что там обитают злые духи, — и его задачей было не поддаваться панике. Как пишут исследователи, «...мальчик, который выдерживал испытание страхом, считался готовым к взрослой жизни, потому что он научился управлять своей психикой»⁹² (С. 112).

Важным элементом инициаций у йоруба была также передача ремесленных навыков: каждый юноша должен был освоить какое-либо мужское ремесло — кузнечное дело, резьбу по дереву, ткачество — и изготовить предмет, который затем использовался в ритуалах. Это соединяло инициацию с практической жизнью: юноша не просто символически становился мужчиной, но и получал конкретные навыки, необходимые для выживания и процветания его будущей семьи. Такой подход особенно важен для нашего многотомника, где каждый подвиг Геракла даёт не только психологическое знание, но и конкретные техники саморегуляции, управления гневом, работы со страхами и достижения целей. Как писал Роберт Блай, «...инициация бесполезна, если она не даёт мужчине инструментов для жизни, а только красивые переживания»⁹³ (С. 98).

В некоторых африканских культурах, например у народа догоны в Мали, инициация включала сложную космологическую составляющую, связывающую тело человека с устройством вселенной. Юноши узнавали, что их тело — это модель мира: голова соответствует небу, ноги — земле, а позвоночник — мировому дереву. Им показывали священные рисунки и объясняли тайные имена богов, которые нельзя было произносить вслух в присутствии женщин. Эта космологическая инициация имела глубокий психологический эффект: юноша начинал воспринимать себя не просто отдельным индивидом, а частью огромного порядка вещей, имеющего смысл и цель. Как отмечал Элиаде, «...инициация в космологию даёт человеку онтологическую опору, которая не рушится в кризисных ситуациях»⁹⁴ (С. 91). В нашем многотомнике эту функцию выполняет миф о Геракле, который также является космологической моделью пути мужчины.

Особого внимания заслуживает то, как африканские инициации решают проблему инкорпорации — признания нового статуса сообществом. После завершения испытаний юноша не просто возвращался в деревню, а торжественно вводился в круг взрослых мужчин, часто с участием всей общины. Ему давали новое имя, которое отражало его достижения или черты характера, проявленные во время инициации. Ему вручали символы взрослого статуса — оружие, украшения, особую одежду или причёску. И, что самое важное, ему разрешалось участвовать в советах старейшин и высказывать своё мнение по вопросам, касающимся всего племени. Без этого общественного признания даже самый мужественный юноша оставался бы ребёнком в глазах соплеменников.

⁹² Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

⁹³ Блай Р. Железный Джон. — Москва: Касталия, 2015. — 304 с.

⁹⁴ Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

Для нашего многотомника африканские инициации ценны не только как исторический материал, но и как источник конкретных методических решений. Например, испытание одиночеством в лесу у йоруба может быть адаптировано как ночной квест, где участник должен провести определённое время в темноте, полагаясь только на себя. Охота на льва у масаи превращается в нашем контексте в охоту за собственными страхами, где «лев» — это метафора внутреннего чудовища, которое нужно не убить, а приручить. Передача ремесленных навыков у йоруба находит своё отражение в изготовлении символов пройденных подвигов — львиной шкуры, пояса, яблока — своими руками. Как пишет исследователь, «...архаические техники работают в современном контексте, если перевести их с языка плоти на язык символа»⁹⁵ (С. 134).

Однако, как и в случае с австралийскими инициациями, мы должны сохранять критическую дистанцию и не романтизировать африканские практики. Обрезание без анестезии, охота на льва с одним копьём, многомесячная изоляция с полуголодом — всё это невозможно и недопустимо в современном обществе. Более того, эти практики часто были связаны с высоким риском для жизни и здоровья, и далеко не все мальчики выдерживали их без последствий. Наша задача — извлечь психологический принцип, лежащий в основе этих испытаний, и найти его безопасный, но не менее эффективный эквивалент. Принцип «испытания болью» может быть реализован через длительные физические нагрузки (кросс, полоса препятствий), а не через телесные повреждения. Принцип «охоты» может быть реализован через квесты, где нужно найти спрятанный предмет или разгадать сложную загадку.

Африканские инициации также показывают важность возрастной стратификации и роли наставников, которые сами прошли через те же испытания. В племени масаи воины старшего возраста («моран») являются наставниками для младших, они обучают их и проверяют их готовность к переходам. Эта система создаёт преемственность и гарантирует, что традиция не прерывается. В нашем многотомнике эту функцию выполняют ведущие и наставники, которые сами прошли полный цикл двенадцати подвигов и могут свидетельствовать о том, что путь пройден. Как писал Роберт Блай, «...отец не может посвятить сына, если он сам не был посвящён, — он может дать ему только то, что имеет сам»⁹⁶ (С. 112). Именно поэтому мы настаиваем на том, чтобы ведущие и наставники сначала прошли инициацию на себе.

Наконец, африканские инициации демонстрируют важность телесного компонента, который часто упускается в современных психологических практиках, ориентированных только на разговор и рефлексии. Тело в африканских инициациях — не просто носитель головы с мозгом, а равноправный участник трансформации: оно страдает, оно запоминает, оно меняется. Шрамы и рубцы становились напоминанием о пройденном пути на всю жизнь. В нашем многотомнике эту функцию выполняют не шрамы, а телесные упражнения — «Львиная шкура», «Муравьиная ноша», «Пояс неуязвимости», — которые проживаются телом и потому запоминаются не только умом. Как писал Станислав Гроф, «...травма и трансформация записываются в теле, и работа только с умом не может их изменить»⁹⁷ (С. 156). Именно телесная память делает инициацию необратимой.

Для современного российского контекста африканские инициации могут показаться экзотикой, не имеющей отношения к жизни мальчика в Москве или Санкт-Петербурге. Но

⁹⁵ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

⁹⁶ Блай Р. Железный Джон. — Москва: Касталия, 2015. — 304 с.

⁹⁷ Гроф С. Путешествие в поисках себя / пер. с англ. А. А. Киселева. — Москва: АСТ, 2019. — 352 с.

если отвлечься от внешних деталей — от львов, саванн и соломенных хижин, — можно увидеть универсальные психологические механизмы, которые работают в любом обществе. Мальчику нужно пережить опыт, в котором он докажет самому себе, что он способен на большее, чем думал. Ему нужно встретиться со своим страхом, болью и стыдом и выйти из этой встречи победителем. Ему нужно получить от старших мужчин знание, которого нет у женщин, — знание о том, как быть мужчиной. И ему нужно, чтобы его новый статус был признан сообществом — отцом, сверстниками, наставниками. Именно это дают и африканские инициации, и наш многотомник, построенный вокруг двенадцати подвигов Геракла.

Таким образом, африканские инициации являются для нас богатым источником идей и вдохновения, но не образцом для слепого копирования. Мы берём из них принцип: испытание болью и страхом должно быть реальным, но не разрушительным; охота на чудовище должна быть символической, но убедительной; передача знания должна быть тайной, но не секретной в патологическом смысле; инкорпорация должна быть публичной, но не унижительной. В следующих томах мы покажем, как эти принципы воплощаются в каждом из двенадцати подвигов, начиная с Немейского льва, где участник встречается со своим гневом, и заканчивая Цербером, где он встречается со своей смертью. Африканские воины убивали львов, чтобы стать мужчинами; наши участники будут укрощать своего внутреннего льва, чтобы обрести взрослую силу.

2.3. Инициация у индейцев Северной Америки

Инициационные практики индейцев Северной Америки существенно отличаются от африканских и австралийских тем, что центральное место в них занимает не физическая боль, а одиночество и поиск видения. У разных племён — от лакота и черноногих до апачей и ирокезов — существовали различные формы обряда, называемого «поиск видения» (vision quest), который был обязательным для мальчиков при переходе во взрослую жизнь. Суть этого обряда заключалась в том, что юноша отправлялся в одиночку в священное место (в горы, лес, к водоёму) и проводил там от одного до четырёх дней без еды, воды и сна, ожидая появления духа-покровителя. Как писал Мирча Элиаде, «...поиск видения — это инициация через одиночество, где дух приходит только к тому, кто способен выдержать пустоту»⁹⁸ (С. 102). Для нашего многотомника этот опыт особенно важен, потому что он учит мужчину выдерживать одиночество — качество, критически необходимое в современном мире, где постоянная связь через гаджеты создаёт лишь иллюзию присутствия.

Поиску видения предшествовала длительная подготовка под руководством старейшины или шамана, которая могла занимать несколько месяцев или даже лет. Юношу учили контролировать своё тело и ум через голодание, посты, омовения в ледяной воде и специальные дыхательные упражнения. Ему объясняли, какие знаки искать и как интерпретировать видения, чтобы не стать жертвой духов-обманщиков, которые могли принять облик дружелюбного животного. Накануне ритуала проводилось очищение в потной хижине (свит-лодж), где юноша освобождался от мирских забот и готовился к встрече со сверхъестественным. Как пишут исследователи, «...подготовка к поиску видения была не менее важна, чем сам ритуал, потому что именно она формировала характер и волю будущего воина»⁹⁹ (С. 145). В нашем многотомнике такую подготовительную функцию выполняет первый подвиг — укрощение гнева.

⁹⁸ Элиаде М. Тайные общества. — Москва: Академический проект, 2019. — 544 с.

⁹⁹ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

Сам ритуал поиска видения начинался с того, что старейшина отводил юношу в выбранное место — часто на вершину холма или на берег реки, где было тихо и уединённо. Юноша оставался один, без оружия и без еды, имея при себе только трубку, табак и священный мешочек с личными предметами. Ему предписывалось не спать и не пить, чтобы довести тело до состояния истощения, которое делало его более восприимчивым к видениям. В течение четырёх дней он молился, плакал, пел священные песни и ждал знака — появления животного, птицы, молнии или необычного облака. Считалось, что дух, который посетит юношу, станет его покровителем на всю жизнь и даст ему особую силу.

Когда видение приходило, оно часто было пугающим: юноша мог увидеть чудовище, призрака или сцену собственной смерти, а мог услышать голос, который давал ему новое имя. Задача юноши была не в том, чтобы бороться с видением или убежать от него, а в том, чтобы принять его и запомнить все детали, потому что именно в них скрывалась сила. После завершения ритуала юноша возвращался в лагерь, где его встречал старейшина, который помогал ему интерпретировать видение и понять его смысл. Как отмечал Карл Густав Юнг, «...поиск видения — это архетипический опыт встречи с коллективным бессознательным, который нельзя подделать или симулировать»¹⁰⁰ (С. 156). Часто видение давало юноше новое имя, которое он носил до конца жизни.

Охота была вторым важным элементом инициации у многих индейских племён, часто дополнявшим поиск видения. После получения видения юноша должен был применить полученную силу на практике — выследить и убить животное, которое явилось ему в видении. Это мог быть олень, буйвол, медведь или орёл, причём убить его нужно было с помощью традиционного оружия (лука, копья) и в одиночку. Удачная охота подтверждала, что видение было истинным, а дух-покровитель действительно дал юноше свою силу. Неудачная охота считалась знаком того, что юноша недостаточно чист или что ему нужно повторить поиск видения. Как отмечали исследователи, «...охота была проверкой видения на прочность: можно пережить мистический опыт, но сможешь ли ты применить его в реальной жизни?»¹⁰¹ (С. 156).

У некоторых племён, например у черноногих (самоди), охота на бизона была центральным элементом мужской инициации, а поиск видения лишь предшествовал ей. Юноша должен был не просто убить бизона, но сделать это так, чтобы животное даже не заметило его приближения, — это требовало огромного терпения, мастерства маскировки и контроля над своим телом. Шкура убитого бизона становилась его первым взрослым одеянием, а рога часто использовались в церемониях посвящения. У лакота, напротив, охота была менее важна, а главный акцент делался именно на видении, которое могло прийти без всякого убийства. В любом случае, охота учила юношу одному из главных мужских качеств — терпению, умению ждать и выбирать момент, когда риск оправдан.

Особого внимания заслуживает практика «причитания по видению» (lamenting for a vision) у племён равнин, когда юноша не просто ждал видения в одиночестве, но активно «плакал» о нём — громко рыдал, звал духов, требовал их внимания. Этот плач был не просто эмоциональным выражением, а ритуальным действием, которое, как считалось, разрывало завесу между мирами и заставляло духов откликнуться. Иногда юноша наносил себе порезы на руках или груди, чтобы его кровь привлекла духов, которые любят жертвы. Как писал Джозеф Кэмпбелл, «...видение не приходит к тому, кто спокойно сидит в своей хижине, — оно приходит

¹⁰⁰ Юнг К. Г. Архетип и символ. — Москва: Канон, 2019. — 336 с.

¹⁰¹ Тейлор С. А. Тёмная сторона инициации. — Москва: Касталия, 2016. — 224 с.

к тому, кто истекает кровью и слезами»¹⁰² (С. 145). В нашем многотомнике эту функцию выполняют медитативные практики, где участник сознательно обращается к своей уязвимости.

Важным элементом инициации у индейцев было также получение священного имени, которое часто давалось именно по результатам видения. Если юноша видел воина с орлиным пером, его могли назвать «Орлиное Перо»; если он видел медведя, его имя могло быть «Спящий Медведь» или «Медвежий След». Это имя было не просто ярлыком, а программой на всю жизнь: человек должен был жить в соответствии со своим именем, и если он его не оправдывал, то терял уважение племени. В некоторых племенах имя можно было поменять после нового подвига, но это требовало повторной инициации. Для нашего многотомника этот принцип важен: в итоговом ритуале (тринадцатый том) участник получает новое имя, которое символизирует его новую идентичность.

Ирокезы и гуроны практиковали иную форму инициации, более близкую к африканским образцам, с телесными испытаниями и обрезанием, но и у них сохранялся элемент одиночества. После завершения физических испытаний юноша должен был уйти в лес на месяц, где он жил в полной изоляции, питаясь только тем, что мог найти, и строя себе временное жилище. За это время он должен был изготовить все предметы, необходимые взрослому мужчине: лук, стрелы, каноэ, весло, охотничий нож. Если он возвращался без хотя бы одного предмета или с предметами плохого качества, он не считался взрослым. Эта практика показывает важность соединения инициации с практическими навыками — того, чего часто не хватает современным программам взросления.

Для нашего многотомника индейские инициации ценны прежде всего опытом одиночества и встречи с внутренними образами. В современном мире, где мальчики и молодые мужчины никогда не остаются наедине с собой (телефон, интернет, соцсети, игры), умение выдерживать тишину и отсутствие внешней стимуляции становится редким и драгоценным. Поиск видения в нашем контексте может быть адаптирован как ведомая медитация (которая дана в каждом томе), где участник в безопасном пространстве встречается со своими страхами, надеждами и глубинными образами. Это не требует четырёхдневного голодания, но требует честности и готовности заглянуть внутрь себя.

Однако, как и в случае с другими культурами, мы должны отказываться от буквализма. Саморанение, отказ от воды на несколько дней в летней прерии, охота на медведя с каменным ножом — всё это смертельно опасно и не может быть воспроизведено в современной инициации. Но психологический принцип — встреча с «духом-покровителем» как встреча с собственной глубинной сущностью — остаётся актуальным. Когда участник нашей программы после медитации говорит: «Я увидел льва, и он сказал мне, что я должен перестать бояться своей силы», — это и есть современный эквивалент индейского видения. Как писал Карл Густав Юнг, *«...боги умерли, но их психологические эквиваленты продолжают действовать в нашей душе*

¹⁰² Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. — Москва: АСТ, 2018. — 416 с.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.